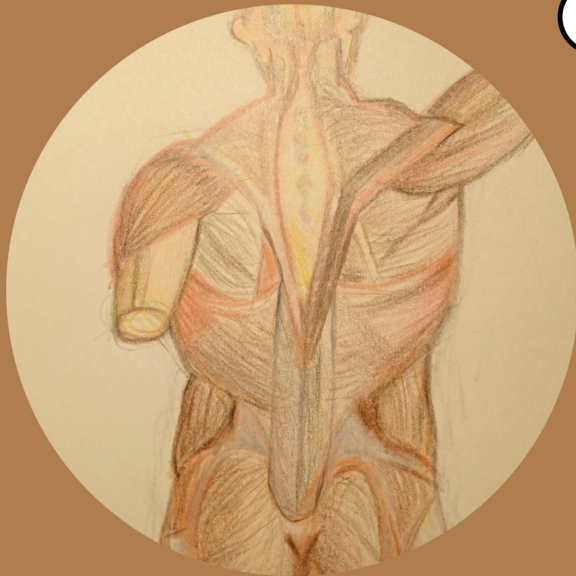

Алексей Пичуев

16+

Жить или умереть

Алексей Николаевич Пичуев

Жить или умереть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67618173

SelfPub; 2022

Аннотация

Фантастическая повесть о постапокалиптическом мире после ядерной войны, когда человечество вернулось в средневековье, и есть только два пути – бороться или умереть...

Алексей Пичуев

Жить или умереть

Земля. Новая эра. 456 год после последней ядерной войны. Руины и голод. Нищета и смерть. В этом мире действует только один принцип – убить или быть убитым. В руинах прежних городов живут песчаные воины смерти. Европа стала царством тьмы, где грань между жизнью и смертью определяется мечом. Гренландия превратилась в Северные острова, власть на которых захватил человек по имени Ворлок. Он создал свою армию из варваров и держит в постоянном страхе жителей Европы своими набегами. Власть на этом материке поделилась между тремя императорами: на севере – Гарольд Острый меч, на юге – Жуак Огрий, а на западе – Мигис Великий. Восток – это Черная территория, или как ее еще называли – Страна тьмы, Темная территория, Черная страна, -выжженная практически полностью. Никто не знает, кто там живет, и все боятся ее. Остальная Земля погибла в хаосе.

I. Воин Черной территории

Кровавая заря немного осветила пустыню. Шел пятидесятый день 456 года. Две пары зорких глаз заметили путника. Он был еще в километре от руин старого города, но в ядерной пустыне его было видно не за одну милю.

Человек в серой накидке уже несколько месяцев шел в направлении запада. Из Черной страны. Он побывал в песча-

ных бурях и пережил сорокоградусную жару. Под капюшонном не было видно его лица, но оно прочувствовало много ветров пустыни. Шаг путника был тяжелым. Он все это время питался только корнями, которые редко встречались в пустыне, ящерицами и змеями. Водой для него была только влага из кактусов. Он был первым, кто шел во внешний мир из Страны тьмы.

Люди песка переглянулись, и их худые тела нырнули в песок, где уже были миллионы нор, сделанных ими за много поколений; они хотели поближе подобраться к человеку с закрытым темным лицом.

А этот человек упорно шел, дожидаясь дня, чтобы отдохнуть: он знал, что песчаные люди убивают своих жертв ночью, поэтому был наготове...

Он задумался о том, сколько ему осталось идти, и тут два изворотливых тела вынырнули из песка прямо пере ним. Реакция у Темного человека была еще лучше, чем у змей, и он моментально среагировал на нападение: один из противников был отброшен левой ногой на пару метров, а другой получил кулаком в голову и откатился в сторону с диким визгом. В следующую же секунду путник потрянул руками и из его балахона прямо в ладони выскочили два метательных ножа, которые тут же вонзились в глотки только что очухавшимся противникам. Клокочущий звук, который доносился из их гортаней, убедил воина тьмы в том, что они уже не выживут. Он неспешным размеренным шагом подошел к одно-

му из них: у того изо рта текла струйка крови, а из горла она лилась пульсирующим ручейком; глаза были наполнены ужасом.

Темный человек вынул нож и резко отошел – фонтанчик крови облил песок. То же он сделал и другим поверженным врагом – освободил его от лишнего железа в шее.

Не медля, он поместил ножи на их законное место на руках, предварительно вытерев клинки об одежду одного из мертвецов, и спокойно, как ни в чем ни бывало, только поправив капюшон, он взял свою сумку с земли, которая при этом зазвенела металлом. Люди песка и заметили ее, подумав, что там пища и одежда, и хотели поживиться. но этот звук был больше похож на лязганье оружия, которое ценилось в эти темные времена еще больше...но им уже было все равно...

Человек с востока знал, что эти двое были всего лишь разведчики – значит, остальные где-то поблизости. Это мог быть отряд, который пополнял запасы поселения в руинах засчет близлежащих деревень, а мог быть целый поселок. В любом случае, он оставался настороже: «Если его крик слышали, – а слух у них хороший, – они скоро будут здесь. Они никогда не передвигаются маленькими группами, значит остальные где-то поблизости. Обно радуется – если бы это был поселок, лазутчиков было бы больше, значит это отряд человек 10-20. Все равно опасно. Но у меня есть план...».

Отряд худых людей бежал по пустыне, кривые сабли и ма-

ленькие круглые щиты хлопали их по спине, но они уже привыкли к этому – их с детства учили терпеть боль и не чувствовать страха. Выносливость – вот что отличало их от других народов Земли.

– Я точно слышал вопль, – кричал, чтобы было слышно через завывающий ветер, голосом без признаков усталости впередибегущий белобрысый песчаник со шрамом на щеке.

– Мордюн всегда прав – у него лучший слух из всех нас, – игнорируя начинающуюся песчаную бурю, закричал бегущий чуть позади воин руин, – наверное, они убили какого-то путника. Надо поторопиться, пока они его всего не сожрали.

Через пять минут быстрого бега этот отряд был на месте. Кровавая сцена повергла всех до единого в изумление.

– Это были наши лучшие разведчики, – произнес Мордюн, – тот, кто сделал это, заплатит жизнью!

Как только последнее слово сорвалось с губ предводителя отряда, звук рассыпающегося песка достиг чутких ушей воителей.

– Я посмотрю, как вы это сделаете, – произнес тот, который ничего не боялся. Это были его единственные слова. Он не привык заниматься переговорами и тем более вести светские беседы. В его правилах было действовать, а потом уже говорить.

– Взять его! – закричал помощник Мордюна, который увидел замешательство предводителя из-за такой наглости иноземца и решил взять ситуацию в свои руки.

Трое воинов ринулись исполнять приказ, а остальные начали окружать путника – это была тактика людей песка, которая веками поддерживалась этим народом. Эти трое сразу же пожалели, что напали: темный человек как будто преобразился – из уставшего путника в пыльном плаще он превратился в яростного воина, с нервами, натянутыми, как струна. Резким движением рук он сбросил накидку, и все увидели гладковыбритое, потемневшее от загара лицо, с серыми глазами, прямым с горбинкой носом, сжатыми губами и острыми скулами; выцветшие русые волосы, обнаженный загорелый торс, крепкие мускулистые руки и ноги; из одежды на нем были только добротная набедренная повязка и сапоги из мягкой кожи. Но воинов удивило даже не это, и не гладковыбритые щеки, выглядевшие странно для путника, проведенного в пустыне не один день. Их сейчас волновала только его экипировка: к рукам и животу на специальных приспособлениях у него были привязаны метательные ножи; к поясу, поддерживающему набедренную повязку – два коротких палаша; к бедрам – два больших боевых ножа; а на спине – это видели воины из окружения, находившиеся сзади, – перекрещены еще две короткие сабли.

На несколько секунд песчанники остановились в замешательстве, смущенные таким количеством оружия на теле одного человека, но ему хватило и этого времени. Он тут же выхватил ножи с бедер и оказался около одного из нападавших. Тот даже не успел замахнуться саблей или защититься.

ся щитом, когда Темный человек перекрестным ударом этих ножей располосовал ему шеи, да так, что голова держалась практически на одном позвоночнике. Но иноземцу некогда было смотреть, как хлынет кровь и человек упадет на землю, даже не поняв, что с ним случилось – человеку с востока надо было разобраться еще с двоими нападавшими, а потом и с двенадцатью оставшимися. И он не стал с этим тянуть – оба окровавленных ножа воткнулись прямо во лбы первой партии нападавших.

Тут же воин Черной страны переключился на оставшихся. Двоих предводителей пока не стоило опасаться. Воин видел, как один из них подал знак нападать, и был готов продолжить бой. За те несколько секунд, пока пара новых нападающих бежали на него, он успел переместить метательные ножи на руках в ладони, и когда они уже замахивались на него саблями, неуловимым движением метнул ножи – одному клинок пронзил сердце, другому «испортил» лицо, попав прямо в правый глаз. Но воин тьмы не расслаблялся: с левого и правого флангов, а также сзади подходило подкрепление. Пришелец выхватил метательные ножи из кожаных ремней на животе и, не оглядываясь назад, попал двум нападающим в солнечные сплетения. Они упали с криками боли на землю, и тут же он пнул ногой в живот уже подбежавшего врага, а выхваченными за долю секунды палашами распорол животы двум подбежавшим с левого и правого бока. Тут же воин тьмы воткнул их в согнувшегося от удара пополам неудач-

ника. Человек из Страны тьмы резко обернулся, и как раз вовремя – сабля одного из людей руин уже опускалась на его голову. Воин успел увернуться и коленом ударить в живот врага, согнувшегося от боли, и добил его выхваченными из-за спины саблями, утонувшими в голове и спине поверженного противника. Тут же молниеносный путник понял, что остался без оружия – вынимать его из тел врагов было некогда.

Сначала напал один, он атаковал с обреченностью, потому что знал, что умрет. Темный человек увернулся от удара саблей бегущего человека с правого плеча, встречный удар правой рукой в грудную клетку свалил того с ног. Не мешкая, путник ударил лежащего человека ногой в шею, сломав ему с хрустом позвонки.

В этот же момент он увидел оставшегося воина с помощником Мордюна, которые были уже совсем близко; Темный человек присел и ударил их обоих в животы кулаками, когда их сабли скрестились в пустом воздухе, там, где только что была его голова. После этого, удостоверившись, что перебил у них дыхание и они корчатся на песке, он подпрыгнул, и его ноги опустились прямо на головы, разбившиеся, как спелые дыни.

Остался один, стоявший очень близко ко всей этой бойне в шоке и недоумении. Темный человек подбежал, и двумя ладонями ударил по голове Мордюна, тот схватился за нее и упал. Воин специально бил не по ушам, чтобы тот слышал:

– Я оставлю тебя в живых, но знай и передай другим: идет Темный человек из Черной территории, который не знает страха. И зовут его Орсек. Зовут меня так, потому что орал я всего секунду, когда родился... а папа был юморист.

После этой непродолжительной речи он ударил Мордюна ногой по голове, и тот вырубился. Весь бой занял всего несколько минут, а теперь Орсек неторопливо собрал свое оружие, предварительно очистив от крови, выкопал из песка сумку, накинул плащ и медленно двинулся дальше на запад. Настало утро.

2. Остановка – Западная империя.

Ещё 27 дней пути по пустыне практически без сна и привалов пришлось пережить Орсеку, пока он не оказался в первом на его пути городе. 27 дней в постоянном напряжении и ожидании нападения. Он 27 дней чувствовал на себе взгляды сотен глаз, они не боялись его, но Мордюн рассказал об этом человеке, и Совет песков решил отпустить Орсека, уж слишком он оказался бы дорогой добычей.

На 28 день великий, но изможденный воин оказался в городе Горс на нейтральной территории. Этот город не был сильным, но ему приходилось быть агрессивным из-за постоянных набегов народов песка и отрядов рыцарей Западного ордена, служившего Мигис у Великому, поэтому каждый мужчина, который мог держать меч, входил в ополчение. Орсек не знал всего этого, да ему к тому же было всё равно. Он видел обширные поля, сады и пастбища вокруг города и

надеялся на хорошую пищу и отдых. Пройдя в его центр, он увидел то, что ему было нужно – таверну с гостиницей. Город ему не понравился: слишком много вооружённых людей, слишком много бедняков в лохмотьях – мрачное место.

Таверна называлась «Чёрный ворон», но Орсеку это ничего не говорило. Он своим размеренным шагом зашёл в душевное помещение, сел в самый тёмный угол и кинул сумку на пол. Капюшон скрывал его лицо, а плащ – оружие, он не хотел быть плохим гостем. Тёмный воин ждал, когда у него спросят, чего он хочет на ужин, но никто не подходил. Тогда ему пришлось самому подойти к стойке, за которой стояла толстая неряшливая женщина.

– У вас обслуживают гостей? – спросил Орсек.

– Ваш заказ? – хриплым пропитым голосом спросила она.

– Баранина с бобовой кашей. Побольше. И немного вина, – ответил он.

– Сейчас будет, ха-ха-ха! – услышал он голос, обладатель которого стоял сзади.

– Не хочу портить такое тихое местечко, – сказал воин Чёрной страны.

– А я не люблю гостей! – ответил человек сзади.

Всё ещё не оборачиваясь, чувствуя всем нутром опасность, Орсек медленно, отчётливо, в гробовой тишине, в которой было слышно сопение задиры, проговорил:

– Хорошо, я хочу остаться благодарным гостем и не буду использовать оружие...

– Обернись, песчаная собака! – вдруг резко сменив спокойный тон на ор, закричал житель Горса.

Орсек повиновался, но никто не ожидал от него той скорости, с которой он при развороте через правое плечо со всей мощи ударил правой рукой по голове буяна, а через долю секунду кулак левой руки ударил по затылку неудачливого хулигана. Это оказался толстяк с большой сальной бородой, но вся его масса не помогла в борьбе с Молниеносным. Он всем своим весом обрушился на пол, но перед тем, как приземлиться, его пустая голова ударилась о стул. Тут же пол обагрился кровью, и сразу же несколько мух сели на грязного толстяка.

Орсек не наблюдал за всем этим, он, не дожидаясь результата ударов, огляделся, чтобы быть готовым ко всему. Стол у двери занимали двое пьяных земледельцев – это было видно по двум мотыгам, которые были прислонены к стене таверны, у камина – еще двое. В углу напротив стола Орсека – ещё один, видимо охранник, потому что сбоку у него висел меч, а сам он был облачен в кожаные доспехи.

– Наших бьют! – заорал один из земледельцев и, схватив мотыгу, побежал на Орсека.

– Ну, пахари! – сокрушенно сказал тот, покачивая головой.

Как только крестьянин начал опускать своё оружие на голову воина, сильные руки перехватили древко, нога Орсека достигла паха нападавшего, и тот согнулся пополам. Человек

с Территории тьмы разбил коленом древко мотыги и ударил палкой по голове пахаря, чтобы тот больше не рыпался. Тут же встал дружок нападавшего, но и он пожалел о своём поведении: Орсек бросил в него обе полки, которые были недавно мотыгой, и они достигли своей цели – головы землешаца.

У гостя никогда не было привычки проверять результаты своей работы – он всегда был уверен в успехе. «Слава Богу, – подумал он, – тот воин спит или делает вид, что спит, не хочется никого убивать». Но его размышлениям пришёл конец, когда те двое посетителей этого «уютного» местечка, которые сидели у камина, вдруг с дикими воплями схватили дубовый стол, за которым они сидели, опрокинув всю еду на пол, и побежали прямо на Орсека.

За какую-то секунду в его голове пролетели его тренировки в горах, когда учитель До заставлял его в семилетнем возрасте ломать молоденький березняк руками, а к 20-летнему возрасту он мог уже ломать таким образом взрослые берёзы. И вот теперь Орсек в момент сориентировался, и когда стол был в полуметре от него, мощнейший удар двумя кулаками разнёс его сердцевину в щепки. Но Орсек не остановился на этом: неуправляемое движение – и в руках у него оказались метательные ножи. А через секунду они уже торчали в ногах орущих завсегдаев таверны.

Тут к путнику в сером от пыли балахоне подошёл охранник и положил ему руку на левое плечо. Меньше всего Ор-

сек ожидал услышать то, что услышал:

– Охрана разберётся с ними, советую спокойно поесть и отдохнуть. Твой ужин уже готов. Гойа! поставь на стол моего нового друга. А ты неплохо дерёшься, нам в городе пригодился бы такой боец.

– Люди песка держат на меня зуб. Я не хочу, чтобы у такого гостеприимного городка появились новые неприятности...

– Хорошо. Гойа! Принеси мое вино на стол гостя!

Этот вечер был для Орсека самым замечательным за последние месяцы. Он давно так вкусно не ел и не пил, также у него появился новый друг. После трапезы хозяйка показала ему его комнату, где он мог спокойно отдохнуть. Он снял с себя всю одежду, помылся после стольких дней пути и спокойно уснул. Глаза и разум спали, и только инстинкт мог предупредить его в случае опасности.

Через несколько часов забрезжил рассвет. Орсек проснулся, но ему не хотелось вставать – давно он так не нежился в постели. Но обстоятельства не дали ему отдохнуть как следует: примерно через 20 минут после того, как разум его очистился ото сна, он услышал, как кто-то просунул нож между дверью и косяком и открывает замок-крючок. Орсек никак на это не среагировал, только каждый мускул напрягся. «Подпущу его, а потом буду действовать по ситуации». И вот заскрипела дверь, тихие шаги оповестили Человека тьмы о том, что враг уже близко. Он резко открыл глаза и увидел

бородача, в руках у которого был большой нож для разделки мяса.

– Я убью тебя, сволочь, – тихо, сквозь зубы, сказал он, – меня ещё никто так не позорил, – с этими словами он накинулся на всё ещё лежащего на кровати странника. Но Орсек знал много приёмов обороны. Его нога уперлась в живот нападавшему, а руки схватили его за грудки, и грузное тело перелетело через кровать. Орсек моментально вскочил с ложа, он сразу же подскочил к убийце, но видимо, тому хватило двух уроков, и он сиганул в окно, благо в результате броска он оказался прямо у него. Но похоже, сегодня был не его день, потому что Чарто – охранник, с которым познакомился Орсек, этой ночью дежурил в районе таверны и оказался прямо под окнами, когда толстяк выпрыгнул из его комнаты.

– Ах ты, мразь! Ты опозорил наш город и заплатишь! – и меч Чарто, как масло, разрезал шею, и голова отлетела на несколько метров от тела, которое ещё несколько секунд стояло с фонтаном крови из шеи, как будто не веря в случившееся.

– Не стоило этого делать, но спасибо!

Орсек быстро оделся, развесил на себя оружие, и отправился в путь бодрым шагом.

Уже девять часов он шёл по пустыне, делая минутные перерывы на отдых. Он не устал, но ему хотелось пить: он взял из города воды, но по дороге его фляга упала, когда запнулся о камень, и вода пролилась. Теперь можно было надеяться

только на случай, но судьба никогда не миловала его. Еще в детстве, в горах и пустынях Чёрной страны, его подстерегали опасности. До сих пор он справлялся с ними...

То, что он умел, еще в детстве закладывал в него отец. Он, великий воин, воспитывал своего единственного сына один. С пяти лет отец обучал сына обороне и нападению, тактике и обращению с холодным оружием; в 6 лет мальчик уже умел ездить на лошади не хуже взрослых. Боевая подготовка Орсека всегда поражала его соплеменников, к 20 годам он был лучшим воином своего племени. Но его отец умер через 5 лет, и ещё через 2 года кочевое племя татмонгов вырубил почти всё его племя, когда он был на охоте, оставшиеся в живых женщины и дети, а также несколько недобитых воинов решили искать дружественное племя и отправились дальше на восток, внутрь Территории тьмы. Раньше это был сильный, мужественный народ, который презирал опасности, теперь это была кучка напуганных людей, которые хотели только выжить. Орсек выбрал свой путь. Ему нечего было здесь больше делать, и он отправился на запад, в поисках своей судьбы. Он не знал, что будет там делать, но был уверен, что всё его мастерство пригодится...

Шел десятый час пути. Орсек знал, что что-нибудь должно произойти: кто-то свыше наблюдал за ним и испытывал воина. И случилось. Когда Человек тьмы поглядел на солнце, чтобы определить время, он увидел столб пыли, который быстро приближался. «Кони, – подумал он, – дикие или со

всадниками, но не меньше 30». Он остался стоять на том месте, где стоял, чтобы встретить опасность лицом к лицу, и через несколько минут пыль была уже в двухстах метрах от него. Орсек не стал готовиться к бою и доставать оружие, потому что мог спровоцировать противника. Скоро пыль рассеялась, и он увидел тридцать хорошо вооружённых всадников. Он ждал. Один из всадников что-то сказал всему отряду и отделился от общей массы воинов. «Наверное, бандиты или кочевники, – подумал Молниеносный, – какая разница, придётся драться».

– Эй ты, бродяга, – приблизившись к Орсеку на двадцать метров и прыгнув с коня, начал предводитель бандитов, – Куда ты идёшь?

– Я мирный странник, – ответил Орсек, – иду в Западную Империю.

– Зачем? – не унимался собеседник Человека тьмы.

– Чтобы убить побольше таких как ты! – обычное спокойствие Орсека, которое не покидало его даже во время самых напряженных схваток, сменилось яростью – уж больно этот кочевник был похож на тех, кто перебил всё его племя.

– Ты хоть знаешь, с кем говоришь?! Я Хан пустыни, Горкюс III, великий воин, который одним взмахом своей сабли может уложить десять таких, как ты! Ты мог отделаться обычной данью, но теперь ты умрёшь!

Горкюс вынул из ножен длинную кривую саблю и с диким воплем «Хойа!» побежал на Орсека. Реактивный – человек

тмы уже успокоился, и лицо его не выражало никаких эмоций, только глаза его предвещали смерть. Он даже не пошевелился, когда Горкюс замахнулся саблей, и только когда она достигла середины своего пути, Орсек начал необратимую реакцию боя, теперь его не мог остановить сам бог: обе сабли из-за спины в один миг оказались у него в руках, одна из них заблокировала удар нападающего, другая с невероятной скоростью опустилась на ногу врага, и поток крови хлынул на землю. Крик боли вырвался из горла Горкюса, который всю жизнь считал себя непобедимым воином, сабля выпала из его правой руки, и он попытался обеими ладонями закрыть рану.

– Ты не будешь носить деревянную ногу, – сказал Орсек, – ты умрёшь.

Он наклонился к своей сумке, открыл её и вынул своё любимое оружие – складной двуручный обоюдоострый полутораметровый меч. Орсек сложил две части, и грозное оружие оказалось в руках воина.

– Я твоя смерть!

– Нет, пощади! Я отдам тебе всё, – за одну минуту наглый бандит превратился в жалкого тщедушного калеку. Но Орсек был неумолим – огромный меч взметнулся в небо и опустился на тело Горкюса. Тому не помог выставленный щит – меч Орсека плавился 100 лет несколькими поколениями кузнецов, он мог разрубить любое железо, только самурайский меч мог остановить его, но уже много столетий никто не ви-

дел таких мечей – ядерная война стёрла все следы прошлого. А в руках кочевника был всего лишь деревянный щит; меч Орсека разрубил его на две части и продолжил свой путь, войдя в тело врага. Как только воин вынул меч, тело обмякло и оросило кровью потрескавшуюся землю.

– Так будет со всяким, кто встанет у меня на пути! – крик Орсека эхом разнесся в близлежащих горах.

Бандиты привыкли убивать и грабить слабых, совершать свои набеги на беззащитные деревни и нападать на караваны купцов, тут же они столкнулись с реальной опасностью. Их было тридцать, но Горкюс был сильнейшим из них, он был их правителем. И кочевники развернули коней. 30 всадников показали спины одному путнику.

Орсек был рад, что ему не пришлось сражаться – он не боялся их, но не хотел тратить силу на такие дела. Он хотел стать наёмником в армии Мигиса Великого и делать то, что у него лучше всего получалось – убивать!

Орсек разобрал свой меч, положил его в суму, и сев на лошадь убитого противника, направился дальше на запад.

Неделя пути – и Орсек оказался у первого приграничного города Западной империи. Солнце сменилось луной, и уставший воин решил сделать привал до следующего утра. Он достиг своей цели, теперь только судьба могла определить его дальнейший путь.

3. Город Ларг

Орсек не знал, что ждет его здесь, но он был готов ко вся-

ким опасностям. Город Ларг славился своим кровопролитием, поэтому воин ночи не расслаблялся. Он знал, что здесь всё зависит от того, насколько ты быстр и умён. Орсек мог похвастаться и тем, и другим. Сейчас он точно знал, что ему нужно – много денег и свободного времени. Именно это могла предложить ему служба на Мигиса Великого.

Орсек вошёл в могучий город, который прославился своей неприступностью и красивыми девушками. Последних Орсеку не хватало больше всего – он уже много месяцев был без женщин и плоть требовала своего. Уже при входе в крепость он увидел ту, которую ждал все свои годы. Это была женщина-воин. В короткой кожаной юбке, с саблей на поясе, облачённая в тонкую кольчугу, она гордо втоптывала грязь в мостовую, высоко подняв голову и расправив плечи. Такая походка могла быть только у настоящего воина. Но больше всего ему понравилась её лицо: голубые глаза ярко блестели, губы были плотно сжаты, но в них таилась чувственность и нежность, бронзовый загар оттенял выцветшие, почти белые волосы.

Их глаза встретились, Орсек улыбнулся, и это улыбка шла от самого сердца. И хотя сердце женщины-воина уже загрубело в боях, но такая открытость мужчины ей понравилось, и она тоже улыбнулась – кончиками губ, сохраняя своё достоинство. Орсек слишком засмотрелся на девушку, и поэтому чуть не упал, когда столкнулся с горой, которая стояла у него на пути.

– А ну проваливай, осёл! Я сын Молота, – громила схватил своей лапищей Орсека за плечо и попытался оттолкнуть зародившего дорогу незнакомца, но вместо повинования убогого нищего встретил крепость стальных мускулов воина.

Огромный, более чем двухметровый Мор, сын Молота, не смог сдвинуть какого-то худосочного странника? Мор не мог этого так оставить, или он потерял бы своё лицо перед согражданами. Грудная клетка гиганта вздымалась и опускалась, как кузнечные меха, он уже не мог сдерживать своей ярости и прорычал в лицо Орсеку:

– Да ты знаешь, у кого встал на пути, несчастный?! – глаза Мора налились кровью.

– Нет, – спокойно ответил воин тьмы, – я не знаю, кто ты, но веди себя благоразумно. С этими словами Орсек выставил вперёд ладони в успокаивающем и дружественном жесте. – Я готов простить тебе слово «Осёл», потому что не хочу портить такой приятный день никому не нужной сварой, но будь добр, дай мне пройти, – продолжил воин тьмы.

Прохожие и любопытные уже поняли всю комичность ситуации, потому что Мор, такой громила, и правда смотрелся нелепо рядом с этим спокойным маленьким по сравнению с ним человеком, и некоторые горожане уже начали тихо посмеиваться; но сын Молота не мог смириться с тем, что ущемлено его большое самолюбие, а видя огоньки смеха в глазах незнакомца и насмешки окружающих, он и вовсе вы-

шел из себя. Прорывав что-то нечленораздельное, он схватил своими лапищами локти Орсека и приподнял его от земли где-то на уровень глаз. Но у человека с Тёмной территории не просто так были прозвища, данные соплеменниками. За долю секунды Реактивный сориентировался по ситуации, и его лоб ударился в нос здоровяку. Все услышали хруст и громкий стон; в глазах у Мора потемнело, в голове зашумело, и тяжёлая туша рухнула прямо в грязь. Толпа любопытных расступилась перед вооруженным отрядом. Впереди на коне ехал очень похожий на поверженного человека воин, но только у него была борода, и он был еще более грузным.

– Брат! – закричал он, увидев окровавленное лицо обидчик Орсека, – ты умрёшь! – воскликнул он, обращаясь уже к Тёмному воину. Рука его взметнулась в воздух с огромным деревянным молотом, обитым железом. Орсеку некуда было бежать, да и не привык он к этому, и поэтому странное страшное оружие неумолимо приближалась. И тут произошло то, чего никто не ожидал: в то мгновение, когда смерть уже практически было у лица Орсека, чьё-то тело стремительно метнулось к всаднику, и тот рухнул на землю. Ещё один сын Молота оказался в грязи, причём всё это произошло за какие-то секунды.

– Что за чёрт! – возмутился второй сын Молота Тор, – Как ты посмела?!

Это была женщина-воин. Теперь она восседала на разъярённом быке и улыбалась, но так, что у ее врагов от этой

улыбки застыла бы кровь в жилах.

– Тор, это был честный бой! Твой брат первый начал, и все это видели, – ответила Вирона.

– Да-да, – несмело подтвердили её слова невольные зрители схватки.

– А мне плевать! – импульсивно прорычал он, как ранее его брат, отдаваясь эмоциям. Тор оттолкнул от себя женщину-воина, да так, что она пролетела несколько метров, прежде чем упасть на мостовую и больно удариться о камни.

Тор быстро вскочил на ноги, что было удивительно при его комплекции, уже спокойно оглянулся и сказал:

– Чужестранца и Вирану в темницу. И наконец-то помогите брату, остолопы! – обратился он к солдатам. Те сразу же схватили Вирану и Орсека, а они и не думали сопротивляться, потому что это была не та ситуация, из-за которой стоило бы драться. Четверо охранников порядка повели их во дворец, в подвалы, где в темницах томились воры и убийцы, а ещё четверо с трудом подняли Мора и понесли его к лекарю. Двоим пришлось тащить сумку с оружием Орсека, а Тор, сев на коня, поспешил в Храм огня, к отцу, чтобы сообщить неприятные новости.

Перед тем, как бросить Орсека и Вирану в сырую и холодную темницу, с них было снято всё оружие, а с женщины ещё и кольчуга. Когда они остались одни в камере, на красивой заступнице были только кожаная юбка и жилет с сапогами из того же материала. На Орсеке остались его набедренная

повязка и сапоги из мягкой кожи. Воин тьмы лёг на солому и вытянул ноги. Как приятно было почувствовать вновь, что мускулы расслаблены, а тело отдыхает, даже в таком месте, как это. Вирана села прямо на пол, прислонившись к стене. Тишина окутывала разум, а холод тело. Первым разорвал молчание Орсек:

– Спасибо, Вирана, – для обоих этого было достаточно.

В войнах ценилось не многословие в это время, тяжёлое для многих, и одно «Спасибо» значило уже больше, чем если Орсек произнёс благодарственную речь.

– Не за что, – через какое-то время ответила Вирана, – ты уже слышал, как меня зовут, теперь мне хотелось бы узнать твоё имя.

– Все называют меня по-разному: для врагов у меня много имен, для друзей другое, если не считать прозвищ, данных мне соплеменниками, – Орсек приподнялся на локте и посмотрел Виране в глаза, надеясь увидеть, к чему приведёт его это знакомство.

– Будем друзьями, – женщина поднялась и подошла к тому углу, где лежал воин. Он тоже поднялся и протянул правую руку. Вирана сжала её своей ладонью чуть пониже локтя, Реактивный сделал то же самое с её рукой – у воинов этот жест, это рукопожатие значило очень много. Это означало, что теперь они будут стоять друг за друга до последней капли крови.

– Орсек, – прозвучало имя в мрачной темнице.

А где-то за глухими каменными стенами, подёрнутыми плесенью, слышались стоны и крики безумцев и преступников.

В это время в Храме огня, в тених от пылающих факелов и свечей наместник императора Мигиса Великого Молот отчитывал своего сына:

– Ты, башка деревянная, чему я тебя учил! Зачем на улицах показывать свою силу горожанам, моим налогоплательщикам?!

– Но отец, это же брат..., – пытался вставить слова в своё оправдание Тор.

– Заткнись, недоросль! – заорал Молот; его лицо, обрамлённое седой бородой и волосами, побагровело от негодования, а пронзительные глаза горели огнём из-под косматых бровей, – вы, два остолопа, позорите меня! Иди, извинись перед чужестранцем, и особенно перед Вираной.

Когда широкая спина Тора уже закрыла дверной проём, его отец добавил:

– И приведи их ко мне поскорей!

Орсек и Вирана уже минуту минут 15 сидели молча, они оба были немногословны, да и говорить-то уже было не о чем. Вирана уже рассказала воину, на кого он поднял руку, точнее лоб, и теперь у него не было никаких сомнений, что ничего хорошего в этот день уже не произойдёт. Воин Темной территории знал, что он будет делать, поэтому когда в коридоре слышались тяжелые шаги, видимо огромного

человека, а за ними семенящие, Орсек вынул из сапог по ножу, которые не нашли, когда отбирали остальное оружие, и встал прямо перед дверью, собираясь защищаться до последнего, потому что если раньше он думал, что попал в темницу из-за простого буяна, теперь понял, на кого напоролся.

– Не надо, Орсек, – требовательно сказала Вирана, – всё ещё может обойтись.

Раньше он не стал бы прислушиваться к мнению женщины, но ей он почему-то доверял, и ножи заняли своё прежнее место. И вовремя. Шаги приблизились к камере, и два человека остановились по ту сторону обитой железом двери. В замке заскрипели ключи, и дверь со скрипом открылась. Почти полпомещения занял Тор, а семенящие шаги стали удаляться дальше по коридору.

Тор хмуро посмотрел на Орсека; он не ненавидел этого человека, просто сыну Молота было обидно за брата. Да и вообще Тор не мог себе представить, как этот достаточно высокий, но очень стройный жилистый парень мог свалить такого слона, как Мор, и бородатый воин невольно проникся уважением к этому человеку, чем-то похожему на песчаных людей. Глаза Орсека изучали спокойствие, лицо осталось непроницаемым, но каждый мускул напрягся на случай схватки. Тор все так же изучающе смотрел на него; Вираны как будто вообще здесь не было, и при желании она могла уже уйти, убежать, но она хотела в случае чего помочь новому другу, к тому же то, что Тор один, было уже обнадеживающе.

И вдруг губы Тора дрогнули, рот стал расплываться в улыбке, и этот титан засмеялся. Да нет, просто расхохотался, и его хохот разлетелся по всему подземелью раскатами грома. Тор схватился за живот, потому как смех изнурял его, из глаз закапали слёзы, и ничто не могло остановить этот приступ веселья, а уж то, что никому из смертных не пришло бы в голову это делать, это точно.

Вирана и Орсек в недоумении переглянулись, ничего не понимая, а Тор не мог остановиться ещё минут пять.

– Ха-ха-ха, парень, ну ты дал, ха-ха, прости, но я представил – ты и мой брат, гора и таран, ха-ха, – и Тор уже почти по-дружески обнял Орсека и поднял от пола на добрых полметра. Воин тьмы понял, что опасность миновала и не стал сопротивляться.

– Нам нужны такие ребята, как ты, было бы побольше таких в армии императора, – после всех произошедших странностей речь Тора показалась Орсеку на удивление разумной, – и извини нас с братом, парень. Он погорячился, и я погорячился, и ты Вирана, извини... а теперь к моему отцу. Он хотел вас видеть, – и Тор шутливо вытолкнул мужчину и женщину из камеры, а в коридоре положил на плечо Орсека тяжёлую руку, как будто старому другу. С Вираной он не стал такого проделывать, зная её характер, и что после такого поступка можно и без руки остаться.

По дороге он распорядился все вещи воинов принести в тронный зал, зная, что отец наплевательское относится

к формальностям. Когда Тор с Вираной и Орсека вошли в тронный зал, эмоции не отразились на лице наместника, хотя ему уже порядком надоели выходки сыновей, и произошедшее в городе было последней каплей в чаше терпения. Но увидев радостные лица посетителей, старый лорд смягчился, ведь когда-то и он был таким же, как его сыновья, даже скорее как младший Мор, такой-же вспыльчивый и агрессивный. Годы взяли свое, и он стал мудрым правителем. Молота уважали и боялись, не любили – так этого правителю и не надо. Старший сын тоже стал умным и нашёл общий язык с чужестранцем. Молот по рассказу Тора уже понял, что именно такого мужественного и сильного человека не хватает ему в пограничном отряде. Если он не побоялся таких гигантов, как его сыновья, то обычных врагов не будет бояться и по давню.

Молот величественно восседал на своем троне, весь в шелке, с шпагой лорда на поясе, но Орсек-то видел, что всё это не по нему, что Молот тоже когда-то был воином, да и сейчас в душе воин. Орсеку даже показалось, что если Молот снимет сейчас свою мантию, под ней окажется кольчуга, а на поясе в ножнах – меч. Так правитель и чужестранец оценили друг друга, и Молот благосклонно улыбнулся.

– Приветствую тебя, извини за плохой приём моих сыновей, но они не обучены хорошим манерам, – и Молот посмотрел на Тора, который тут же поступил взгляд.

– Рад приветствовать Вас тоже, наместник Ларга, – отве-

тил Орсек.

– Ладно, – добродушно улыбаясь, сказал Молот, – хватит этих дворцовых глупостей. Слуга, еды и вина в зал! – наместник спустился со своего возвышения и, подойдя к Орсеку, почти по-отечески потрепал волосы на его голове. И несмотря на разницу в росте – наместник был на голову выше воина – прямо глядя ему в глаза, крепко, по-мужски пожал руку.

– Я надеюсь, ты удержишься в наших краях.

– Возможно, – уклончиво сказал Орсек, сам зная, что именно это ему и нужно.

– Я хочу, чтобы пока ты побыл моим гостем... пока не надумаешь, – стоял на своём Молот.

– Я согласен, – ответил Орсек.

Тут открылась дверь за тронем, и Мор с разбитой физиономией.

– О, Мор! – воскликнул наиграно отец, – иди, извинись перед нашим гостем, – улыбаясь во всё лицо, предложил Молот.

Мор ничего не понимая, продолжал идти к ним уже по инерции. Сейчас он был похож на обиженного наказанного ребёнка.

– Но отец, – хотел возразить на такую несправедливость гигант.

– Никаких но, – зло сверкнув глазами, пресёк его фразу отец, – пожми руку гостю, возможно он пополнит ряды отряда наёмников, а то наше ополчение под вашим с братом

руководством, по-моему, совсем зачахло.

Мор не хотел перечить отцу, и ладонь Орсека утонула в лапе силача. После этого был принесён ужин, и четыре человека от души повеселились, шутя и разговаривая, как старые приятели, только Мор был хмур целый вечер и даже почти не пил вина.

Глава 4 Новая жизнь

Прошёл уже месяц с того дня, когда Орсек прибыл сюда, и вся жизнь его изменилась. Уже на следующее после застолья утро воин согласился стать наёмником старика Молота. В качестве аванса он получил тугой кошель со 100 золотыми внутри. Этого на первое время хватало. К тому же Орсек был поставлен на военное довольствие, поэтому не испытывал нужды. Одежда Орсека стала получше: вместо набедренной повязки по его желанию ему выдали лёгкие штаны, которые он заправлял в сапоги, причём эта часть гардероба осталась прежней; штаны поддерживал широкий кожаный ремень. На загорелом торсе красовалась новая кожаная жилетка – здесь он полностью поддерживаю Вирану – ничто не могло помешать движению рук в бою. Из оружия он для повседневной жизни оставил два ножа в сапогах и свой двуручный меч, для которого лучшие мастера изготовили ножны, этот меч он обычно носил за спиной, потому что прикрепить к поясу такое оружие было невозможно из-за длинны и тяжести. Но Орсек понимал, что когда-нибудь пригодится и остальное оружие, но в этой мирной жизни Ларга вряд ли,

поэтому сумку с оружием он засунул под свою кровать, до худших времён.

Орсеку нравилась в городе, но было уж слишком все мирно, он соскучился по приключениям. Здесь он каждый день видел одно и то же: во дворе за дворцом Тор и Мор тренировали новобранцев, чуть поодаль наёмники или отработывали удары в парах, устраивали показательные бои, или сидели на лавках в тенёчке, тихо переговариваясь. Орсек тоже где-то пару раз в день тренировался в паре с Вираной, не позволяя себе до вечера расслабляться.

Она же познакомила Орсека со всеми наемниками, а их было около пятидесяти. Некоторые из них ему не понравились, а с некоторыми он подружился. Так, ему очень симпатизировало, как не надменно, просто со всеми общается Гарсум, бывший вор, которому его ловкость и смелость, а также умение постоять за себя помогли сменить квалификацию и стать воином. Угрюмый толстяк Дрю с вечно кислой миной и неизменными топором тоже вошел в эту компанию. Были и другие неплохие ребята, но с ними Орсек ещё не успел хорошо познакомиться. Воин тьмы стал лучшим другом Тора, чего нельзя было сказать о Море, который все еще дулся за ту взбучку перед всем городом. С Молотом Орсек тоже нашёл общий язык, и иногда захаживал к нему на «аудиенцию», где они могли за картами и разговорами выпить по паре кружек вина.

С Вираной всё было сложнее – два воина, мужчина и жен-

щина, которые обладали смелостью в бою, в личных отношениях не находили силы. Их тянуло друг другу, но они боялись признаться в этом, поэтому до сих пор были всего лишь друзьями, устраивая время от времени в тавернах города совместные с Угрюмым, Гарсумом и Тором весёлые пьянки.

Но больше всего Орсека беспокоил капитан наемников, непосредственный начальник Воина тьмы, Могол, потому что люто ненавидел любого представителя племени татмонгов, но открыто Орсек никогда не проявлял своей ненависти, и не из-за страха перед Моголом, а потому что понимал, что тот его военачальник, и никакие личные чувства не должны мешать работе.

Был ранний вечер. Орсек лежал на кровати и размышлял о своей новой жизни, ничто не предвещало опасности в этот спокойный солнечный день. Лучники отдыхали в тени на крепостных стенах и вышках, наёмники на лавочке резались в карты, ополченцы тренировались, простой люд сновал по пыльным улицам города – всё как обычно. Но какая-то неведомая сила сжала сердце Орсека, так всегда бывало, когда приближалась опасность. Орсек верил своему сердцу; он резко вскочил с кровати, назойливая муха все летала над ним, и сбросив лень, которая не позволяла убить даже это «Божье творение», Орсек прихлопнул тварь. Воин нагнулся и вынул запылённую сумку. Надев и зашнуровав кожаную жилетку, он прикрепил к спине две сабли в ножнах, под

двуручный меч, к бедрам два больших ножа, к рукам и животу – по паре метательных ножей, а к поясу ещё два тесака. Нормальный обычный неподготовленный человек вряд ли бы смог просто передвигаться, не то что воевать, с такой экипировкой – но Орсек с детства закалялся на тренировках и в боях.

«Вот и всё, – подумал Реактивный, – наконец-то. Думаю, арбалет, стрелы и дротики мне не понадобятся». Радуюсь, что наконец-то можно будет по-настоящему размяться, он взял новый плащ и быстрым шагом направился к выходу. Когда он оказался на улице и вдохнул полной грудью, вдруг зазвенел сигнальный колокол. Все воины тут же перестали прохладиться и ринулись ко дворцу; оттуда выбежал, несмотря на свою грузность и возраст Молот и закричал:

– Воины! Начинается война! – в это время из двери вывели какого-то худого юнца, изможденного, с пеной у рта и в крови.

– Это песчаные люди и татмонги, – в изнеможении прошептал парень, но его все услышали. Несмотря на то, что тот говорил тихо, все, и наёмники, и простые горожане превратились в слух, улавливая каждое слово, – они объединились и через день будут здесь, – закончил паренёк.

– Этого не может быть! – выкрикнули из толпы.

– никогда не было, – закончил мысль сам наместник, – воины! – громогласно продолжил Молот, – чистите ваше оружие, точите, бросайте пьянки и баб, завтра в бой, рано утром

подъём. Посты усилить! А сейчас сборы; а ты, народ, ищи вилы, лопаты, может и вам придется идти на врага. Я всё сказал. Сыновья, за мной!

Все вновь разбрелись кто куда, но теперь они были в напряжении. Молот говорил сыновьям, что если его убьют, то Тор, как старший сын, станет наместником. Это место передавалась по наследству, потому что он лорд, а Мор будет командующим пограничными войсками.

А в казарме воины чистили, точили оружия, Угрюмый любовно, почти до блеска, чистил свой огромный топор, Гарсум тоже был занят с саблей, даже Вирана занималась только своим мечом. Один Орсек с присущим ему спокойствием сидел на кровати, уставившись в окно.

Сегодня все, кроме часовых, легли спать пораньше, чтобы выйти на поле перед городом на заре, дабы не допустить врага в крепость и драться до последнего. Но Орсек не спал.

Где-то в 2:00 ночи тревожно зазвонил колокол, воин Чёрный территории первый выбежал на мостовую, у ворот уже полыхали дома – враг был слишком близко. Орсек побежал что есть мочи к воротам, не дожидаясь приказа. Где же были лучники? Спали? Но нет времени размышлять. Сзади слышался топот наёмников и ополченцев. Ополченцы кто в чём выскакивали из домов с мечами и щитами, копьями. Нападение не дало им спокойно провести время, возможно в последний раз, с родными и близкими.

– Постройся! – услышал зычный голос Мора, – рассчитай-

ся.

«Не время, – подумал Орсек, – для считалок». Он всё бежал, и вот ворота! У наемника встали дыбом волосы – ворота были открыты, а стражники при воротах с перерезанными глотками лежали на земле. Враг приближался к городу с визгами и криками, всё ближе и ближе.

– Ойгол, Мей, Гардо! – закричал Орсек, обращаясь к смотровым на вышках, но те ответили лишь молчанием.

Тут подоспели остальные наёмники.

– Это заговор, Мор, Тор, закрывайте ворота! Лучники! Не стреляйте пока. Вирана! Давай наверх, будешь ими командовать. Где Могол? – Орсек ещё не был в таких ситуациях, но чутьё подсказывало, что он поступает правильно.

Ворота со скрипом закрылись, как раз вовремя, когда первые стрелы долетел до них. «Странно, – подумал Орсек, – эти стрелы только долетели, что же тогда за пожар?».

– Тор! А где Могол?! – закричал он, заглушая шум голосов и пожара.

– Мне кажется, ты не зря его невлюбил, – ответил Тор.

– Он предатель, – уже уверенно закончил мысль товарища Орсек.

– Угрюмый, Гарсум! Возьмите человек 50 ополченцев и во дворец, охранять Молота, – заорал тут же Мор.

– Они уже у ворот! – с крепостной стены прокричала Вирана, – Луки к бою! Пли!

И сотни стрел полетели в Орду татмонгов, человек 100 из

них сразу полегло, остальные успели закрыться щитами.

– Таран, вперёд! – услышали обороняющиеся приказ по ту сторону ворот, и единственная преграда на пути в город прогнулась и в нескольких местах треснула от ударов.

– Катапульта в бой! – охваченный волнами адреналина в крови, закричал Орсек, его возбуждал бой, запах крови, приближение смерти врагов, которые он чувствовал.

С полсотни дюжих ребят выкатили махину.

– Снаряды загружай! – и камни, булыжники были сложны в метательное приспособление, – Давай! – срывая голос, он закричал, и верёвки были перерублены, механизм сработал, и десятки тяжелых снарядов перелетели через стену, ворвались в уже и так поуменившиеся ряды противника. Многие черепа были раздроблены, рёбра сломаны, кони и люди падали на землю покалеченные и окровавленные.

– Дёготь кипятить! – подгонял ополченцев Орсек, и те, следуя указаниям, старались помочь защитить свой город.

А в это время в центре города во дворце разворачивались страшные события. Из песка во дворе, из песчаных нор выныривали вооружённые люди, убивая практически беззащитных перед такой неожиданной напастью ополченцев. Кривые сабли худых воинов врубались в податливую плоть, иногда умирали совсем юнцы, у которых только появился первый пушок над верхней губой.

Самый злой из всех людей Песков, со шрамом на щеке орудовал двумя саблями, как мясник на бойне, руки, головы,

ноги разлетались в разные стороны.

Выдерживали натиск песчаников только Дрю и Гарсум. Они стояли спиной к спине, топор и сабля слились в едином танце смерти, погружая иссушённые тела врагов в вечную тьму.

Главный среди людей Песков, со шрамом на лице, с маленьким отрядом пробрался во дворец, здесь он вступил в схватку с охраной Молота.

А татмонги, ряды которых уже поредели, выбрали новую тактику – не прорыва, а окружения. Их стрелы тоже попадали в защитников города, но потери нападавших, несмотря на эффект внезапности, были всё же больше. Стрелы, копья, горячий дёготь, снаряды катапульты сделали своё дело, и маленькая Орда всадников постепенно начала отступать.

– В догонку палите их! – кричала Вирана, и стрелы с огнём летели в сторону отступавших.

А у дворца бой почти был закончен, здесь перевес был на стороне противников – почти все охранники дворца были загнаны в угол казармы 20-30 песчаниками, Дрю и Гарсум сдерживали натиск ещё 10.

Тор, Мор и Орсек слышали теперь шум битвы у дворца, который раньше заглушала их битва. Где-то 10 наемников и 50 из 150 ополченцев были убиты шальными стрелами.

Вира! – Орсек впервые так назвал женщину-воина, – возьми под начало 30 наемников, а мы и еще 10 человек – ко дворцу, – и он первый побежал в ту сторону, предчувствуя

нехорошее. И никто, даже Тор или Мор не осмелились ему перечить.

Человек со шрамом ворвался в зал с ещё десятью воинами, охранники у двери были убиты. А в зале был только какой-то худой пацан с кинжалом и Молот. Он скинул с мощных плеч свои шёлковые одеяния, на нём была кольчуга, в руках меч, взор его горел яростью.

Воины Песков ринулись к этим двоим. Точнее, к Молоту. Но парень заслонил гиганта, если такое возможно. Три сабли разорвали ему грудь, и гонец упал. Молот одним взмахом меча, как кочаны капусты, срубил три песчаные башки.

– Умри, старик, – прошипел главарь, и стрела, выпущенная из арбалета, пронзила шею старика. Хрип вырвался из горла Молота, кровь хлынула из раны, губы, привыкшие отдавать приказы, обагрились. Старик был мёртв.

Мор и Орсек ворвались в ряды противника. Молот Мора сшибал бошки песчаным крысам, меч Орсека собирал урожай смерти. В разгаре битвы они не заметили, как Тор и остальные наёмники были отеснены песчаниками; охрана дворца была мертва. Сабля одного из врагов молниеносно распорол живот Тора, которая замахнулся тяжёлым молотом, чтобы разбить одним махом голову врага. Худой воин вместе с остальными начал дальше врубаться в нестройные ряды наемников.

Мор видел это краем глаза и обернулся казарме. Казалось, он не видит битвы, крови, стонов, он смотрел в одну точку

– туда, где лежал его брат.

– Мор! Оглянись! – заорал Орсек; две сабли летели в сторону Мора. Воин тьмы одним ударом снес голову одному из людей песка, а другому метнул нож между глаз. Дрю и Гарсум добились последних из этого отряда; общими усилиями были убиты и остальные, выбежавшие из казармы песчанники.

Мор пытался отыскать убийцу брата, но тот был уже мертв, и сильный могучий гигант сел в песок, положив голову Тора на колени, и плакал. Орсек не умела плакать, и хотя он потерял друга, душа его теперь ещё больше огрубела.

Реактивный рванул в дворец. Все мертвы. Орсек ворвался в тронный зал, Молот был мёртв, а над ним стоял один песчанник, остальные уже заползли в свои песчаные норы за дворцом. Один человек со шрамом хотел насладиться последним мгновением радости от убийства.

Орсек вспомнил его. Это был Мордюн, но Воин тьмы не знал, как его зовут. Да ему было и всё равно. А Мордюн узнал его, глаза песчаного воина застекленели от страха, он, как кролик перед удавом, не мог пошевелиться, как тогда, в песках, он чувствовал то же, тот же парализующий страх, хотя тогда он и находился на своей территории. Уже ничто не могло его спасти. Орсек поднял свой полутораметровый меч, закрутил его над головой и метнул, как дротик, в Мордюна, Как молния, меч рассёк воздух, хруст и чавканье плоти было приятно слуху Орсека. Меч пронзил грудь убийцы, теперь

он был пригвожден к трону в расплату за свои грехи.

Орсек подошёл к Молоту и закрыл его глаза.

– Спи, старик, – и медленно вышел из дворца, только сейчас поняв, как устал.

Он подошёл к Морю, и положив ему руку на плечо, сказал.

– Твой отец тоже мёртв.

В глазах Мора вспыхнул огонёк, и тут же пропал в замутнённых слезами глазах. Орсек уважал чувства сына Молота и брата Тора, но понимал, что Возмездие только еще начинается, и Мор пойдёт до конца в своей мести.

И битва тоже ещё только начинается...

5 Кровавое поле.

Заря осветила багровыми отблесками город. Пришло время посмотреть на результаты бойни. Мор, Орсек, Вирана, Гарсум, Дрю собрались в уже убранном зале дворца.

– Твой отец и брат были настоящими воинами, – начал Орсек.

– Мы тоже скорбим по ним, – добавила Вирана, – это подтверждалось тем, что все наёмники в знак траура завязали на правой руке чёрные узкие полоски ткани.

– Спасибо, друзья, – ответил Мор, – но я созвал вас здесь не для этого; я хотел объявить вам, как своим приближённым – в связи со смертью моего отца и брата наместником становлюсь я, и данной мне властью распоряжаюсь: Вирана – назначить тебя капитаном наёмников, Гарсум и Дрю – начальниками ополчения, и тебя Орсек – командующим всем

нашим пограничным гарнизоном в предстоящей битве. Мое решение обжалованию не подлежит. А теперь давайте решим, что делать дальше.

Воин тьмы выразительно посмотрел на Вирану, и та начала говорить, что знала:

– У нас осталось всего около 35 наёмников, где-то 75 ополченцев, этого не хватит, даже чтобы залатать дыры в стенах.

– Ещё человек 500 могут выделить горожане, – уверенно сказал Мор.

– Этого всё равно не хватит на нападение. Татмонгов было около 1000. А теперь, я думаю, подойдёт подкрепление, но у меня есть план, – обнадёжил хоть чем-то собравшихся Орсек.

– Выкладывай, – серьёзно заявил Мор.

– Все 35 наемников должны быть на конях, их треугольником должны окружить пехотинцы-ополченцы с мечами и щитами. А их, в свою очередь – горожане, вооруженные копьями, и этим клином мы должны прорвать ряды врага. Естественно, противник окружит нашу маленькую армию, но в этом вся и соль. Я хочу сделать западню: копьеносцев в наших рядах будет всего 100 человек, остальные 400 горожан, которых мы вооружены чем угодно, лишь бы дрались, должны где-то уже завтра, пройдя ускоренную подготовку, спрятаться в лесах; их у нас два – Грозный и Тёмный, прямо по бокам этого Чёртова поля, на котором будет бой. Там

должно быть где-то по 130 человек и еще 140 пусть будут у стен города, все эти три группы должны ринуться в бой, и капкан захлопнется, даже если их и будет больше, – закончил изложение своего плана Орсек.

Все сидели в немом изумлении, не ожидая от Орсека такого таланта стратега. Один Мор воспринял это как должное, видимо уже давно увидев в Орсеке неординарного человека – этим и руководствовался, когда отдавал бразды правления на поле брани именно ему.

– Всё отлично продумано, Орсек, – прервал молчание Мор.

– Это ещё не всё, – вновь заговорил Тёмный человек, – левым флангом пусть руководит Дрю, правым – Гарсум, а от города – Вирана. Ты как наместник, должен остаться во дворце, как бы ты ни хотел мести. Но ты будешь находиться только под защитой своих богов, надеясь на помощь оставшихся горожан.

– Ладно, хватит разговоров, – пресек диалог Мор, – пора за дело! Вирана, проследи, чтобы кони были готовы; Дрю, осмотри оставшихся в живых воинов; Гарсум, маленький ворышка, займись набором горожан в войско и их вооружением. Идите. А ты останься, Орсек.

Все, кроме воина Тьмы и Мора, ушли. Солнце уже полностью осветило зал, и Орсек мог видеть лицо Мора, подернутое печалью. Но во всех чертах этого лица чувствовалась сила, и ничто не напоминало о минутной слабости этого ги-

ганта, когда он потерял отца и брата. Сын Молота подошёл к Орсеку, и глядя прямо ему в глаза, сказал:

– Спасибо, что спас меня сегодня и отомстил за отца, – и первый раз после дня прихода Орсека в Ларг, Мор пожал ему руку, и это рукопожатие было уже крепким и дружеским, – и да поможет нам бог Огня, – с этими словами Мор покинул залу.

Реактивный тоже недолго стоял в опустевшем помещении, и своим лёгким и быстрым шагом направился вон из дворца, где ещё витал дух смерти, на улицу, помочь Гарсуму.

Уже к вечеру выяснилось, что около 1000 мужчин желает защищать свой город. В связи с этим из лесов и от города на помощь главному отряду должно было прийти по 300 человек. Новобранцам было выдано оружие, правда некоторым пришлось выйти на построение с лопатами, вилами, топорами, и даже кольями. Вечером же началось и закончилось их обучение, потому что ночью 900 из них должны были покинуть стены города по плану Орсека, считавшего, что новые силы противника подтянутся за пару дней, и нужно быть готовыми к выступлению. Той же ночью Дрю, Вирана и Гарсум ушли из города со своими отрядами.

Орсек этой ночью не мог уснуть. Он думал о предстоящем бое. Но больше всего – о Виране. И он ночью, когда луна скрылась за облаками, выскользнул из города, сказав охраннику, что лично проверит дозорных. Орсек без труда нашел палатку Вираны, у неё горел костёр. Девушка сидела на тра-

ве и смотрела на пламя, воин Тьмы, ничего не говоря, опустился рядом на корточки. Их взгляды встретились, и не надо было слов. Губы Орсека нежно прикоснулись к её губам. Это была ночь для любви...

Ещё перед зарей Орсек вернулся в город, а на рассвете трубач оповестил горожан о сборе, и уже в 6:00 утра от главной площади 210 человек во главе с Орсеком покинули город. Миновав лагерь сограждан, отряд Орсека через какое-то время оказался на поле, где и должна была произойти битва. Через три часа на горизонте показалась орда татмонгов. Отряд Орсека сгруппировался по плану и двинулся навстречу врагу.

Через полчаса Орсек уже мог видеть флаг татмонгов, и тот его удивил. В кровавом поле золотой лев – флаг короля Северных островов Ворлока! Так вот что за этим стоит! Но удивление быстро прошло, не время было для этого: две силы, две лавины сближались – малышка, отряд Орсека из 200 человек, и полуторатысячное войско наемников Ворлока.

И вот два живых потока столкнулись – копыта, мечи, вилы вступили в дело. Татмонги не успевали защищаться своими круглыми щитами, сшибались с лошадями, добивались. Яростные ларгцы прорывались сквозь живую массу людей с перекошенными лицами, лошадей с перерезанными сухожилиями. Орсек оставил свой двуручный меч в казарме, зная, что негде будет размахнуться, и оказался прав. Человек с Тёмной территории, удерживаясь на лошади, сжав ее бо-

ка ногами, вынул из-за спины две сабли, и теперь они делали своё дело, продолжая начатое горожанами. Вот один татмонг, упавший с коня, лишился руки с саблей и головы, другой – с одной из сабель Орсека в груди упал с коня. Наемники города Ларга не отставали от Орсека, мечами, копьями, топорами неся смерть.

Но время шло, первый пункт плана прошёл удачно и отряд Орсека попал в окружение. «Но где же подмога», – подумал мужчина, кольцо врага всё больше сжималось, у наёмников не оставалось места для маневра, а горожане несли большие потери.

– Хайя! – услышал вдруг громкий крик Реактивный – это был клич наёмников в исполнении Дрю. Справа и со стороны города были слышны такие же крики.

– Вперёд! – закричал воодушевленный Орсек, и его отряд из обороняющегося вновь превратился в атакующий.

Было видно, что татмонги не ожидали удара по тылу, и теперь их ряды были расстроены – наемники Ворлока не знали, куда надо двигаться – это-то и было на руку войску Орсека. Битва началась с новой силой. Реактивный с коня видел, как к нему прорываются друзья, но также он видел среди пеших татмонгов всадника в красной шапочке, обитый мехом, её не забыть никогда – это был Могол.

– Могол! – закричал во всё горло Орсек и направил его сторону коня. Воина тьмы не замечал преград, со стороны казалось, что Бог войны руководит им, что демоны всели-

лись его тело, что он сам демон: глаза горели огнём, вороной конь перепрыгивал через мёртвых и живых, а твёрдая сталь разрубала, как дыни, черепа врагов. Могол был уже близко. Но когда Орсек проносился мимо Дрю, он заметил, как сзади толстяка какой-то татмонг замахнулся ятаганом, в то время как Угрюмый месил своим огромным топором кровавое месиво других врагов. Не взирая на собственную безопасность, Орсек спрыгнул с лошади в сторону врага и его сабля разрубила подлеца от правого плеча до левой подмышки, да так, что вторая сабля Орсека осталась в теле противника.

– О, Орсек! – воскликнул в радости обернувшийся Дрю.

Но тот, убив врага, угрожавшего жизни Угрюмого вновь, переключился на Могола, но того и след простыл. Реактивный сплюнул в сердцах; но бой продолжался. Дрю опять стал кроить по-своему врагов топором, да и горожане отставали, всё сильнее чувствует своё превосходство над противником.

Орсек вынул свои тесаки и вновь появился в гущу боя. Ему попались сразу два противника с саблями и щитами. Ярость от того, что упустил предателя, хлестала через край: один тесак – в горло, другому – по руке. И вдруг скользящий удар сзади палицей по голове. Обычный человек сразу же умер бы, но Орсеку и не через такое приходилось проходить. В глазах потемнело, не видно ничего; тесаком назад, метательный нож вперёд. Упал на землю, мутно в глазах. Блестит гигантский топор; где-то далеко на холме Вирана сломала древко Ворлока и поставила флаг Мигиса Великого – в го-

лубом поле жёлтое солнце. Звонкий крик «Хойа!» Гарсума сменился хрипом. Туман, темень, чёрная дыра.

Свет забрезжил чуть-чуть. И вдруг яркое солнце, синее небо над головой.

– Где я? – прошептал Орсек.

– Ты на поле битвы, – услышал он голос Вираны, а потом почувствовал теплые мягкие губы у себя на губах.

– Мы долго искали тебя, – пробасил Дрю.

– Гарсум погиб. Стрела пробило лёгкое, он не смог выжить, – печально сказала Вирана.

– Я слышал это, – ответила Орсек, – он и умер как воин, с боевым кличем на губах.

– Мы выиграли битву, – продолжила Вирана.

– Я знаю, я чувствовал это.

– Последние татмонги были убиты нами здесь, – сказал наивный Дрю.

– Нет, друг, они ещё есть, и всегда будут, но с одним из них, Моголом, я хочу поквитаться лично, – и Орсек от этой мысли приподнялся с земли, – я найду и убью его!

– Дрю, его надо отнести в город, и поскорее, – скомандовала Вирана, и толстяк взяла взял на руки, как ребёнка, и бережно понес его в город. Их осталось всего четверо друзей, вместе с Муром, и они дорожили этой дружбой.

Солнце закатилось за горизонт, и лишь кровавый закат освещал поле, где пали многие воины. В эту ночь ещё сотни душ горожан, показавших себя храбрыми солдатами, отпра-

вились на небеса с дымом, и пепел их был рассеян по ветру.

А на поле песчаные люди вылезали из своих нор и забирали добычу – тела союзников и их снаряжение. Воины песка никогда не участвовали в подобных баталиях, потому что привыкли целыми стаями нападать на нескольких странников, пользуясь неожиданностью; в сражениях они не принимали участие, зато поживиться на чужом горе или напасть сзади, подло, были готовы всегда.

6. Долгий путь.

Вот уже три месяца после кровавой бойни крепость находилась в осаде. Окружение было слабым, но постоянные попытки татмонгов прорваться в город изнуряли его жителей. Все ларгцы уже привыкли к военному положению, но сейчас был замечен недостаток продуктов питания – огородики горожан не позволяли прокормить большой город.

Орсек, Дрю и Вирана почти всё время проводили в тавернах, потому что на крепостных стенах им нечего было делать. Мор вообще стал редко видеть своих боевых товарищей – новые обязанности занимали слишком много времени.

За это время авторитет Орсека ещё более увеличился, и не только из-за выигранного сражения – до приграничного городка дошли слухи о Тёмном человеке. И теперь каждый при встрече с ним с уважением здоровался, внутренне радуясь, что этот смуглый светловолосый человек – их друг и защитник, а не враг.

В таверне «Золотой рог» в этот вечер былолюдно, но теперь сюда ходили не чтобы отдохнуть, а узнать последние новости от соседа, послушать сплетни о ходе войны.

– Да я говорю вам, – пронзительно громко говорил у стойки своим слушателям какой-то худой остроносый торговец с бегающими глазами, – все, кроме нашей, приграничные крепости сдались, и теперь орды татмонгов и песчаников движутся прямо к столице. А армия нашего «Великого» императора – фуфло и солдаты там дерьмо, ничего не могут, скоро татмонги и Ворлок с его армией будут править бал.

Орсек сидел за столиком у входа, но он услышал, что говорил этот болтун. Кулаки его сжались так, что побелели костяшки пальцев, губы превратились в одну тонкую полосочку – он был зол .

– Орсек, – хотела было остановить его Вирана.

Но тот с яростью ударил кружкой о дубовый стол, так, что она разлетелась вдребезги, обрызгав Вирану и Дрю остатками пива. Орсек резко поднялся с табурета и направился через всю таверну к несчастному. Все молча наблюдали эту сцену, внутренне поддерживая воина. Реактивный схватил остроносого за грудки и приподнял над полом.

– Ты, сволочуга, – прошипел торговцу в лицо Орсек, – что ты знаешь об армии Мигиса Великого?! Они такие же, как и мы, борются до последнего, эти воины теряют своих друзей, отдавая свои жизни за таких, как ты, и носят вот это в память о павших, – и Орсек, освободив правую руку, держа торговца

одной левой, показал тому чёрную ленту на руке, – и не смей пренебрежительно относиться к нашему императору и его армии!

– Да уж какой он твой, наемник? – с ухмылкой пропищал остроносый.

И Орсек выплеснул всё накопившееся зло: кулак разрезал воздух и со всей силой вошёл в лицо ларгца. Тот отлетел на стойку, перевернулся через неё, сметя кружки посетителей, и упал где-то по ту сторону на оплеванный пол.

А воин Тьмы развернулся, и даже не взяв плащ, вышел на улицу. Там шёл дождь, крупные капли падали на волосы и стекали по лицу, на плечи, спину, смывая остатки ярости с Орсека. Полчаса Орсек бродил по городу. Сапоги были облеплены грязью, но ему было совершенно всё равно – он думал о тех, кто уже погиб, и о тех, кому ещё предстоит погибнуть. У Орсека было не каменное сердце, и сейчас оно болело.

Когда мужчина вернулся в казарму, ему сразу сообщили, что его хочет видеть наместник. Орсек почистил немного сапоги и отправился во дворец. В тронном зале он увидел Мора, сидящего на месте отца. Гладковыбритое, широкоскулое, почти круглое лицо излучало доброжелательность. Но начавшийся разговор был сам по себе не дружеским диалогом.

– Орсек, – начал Мор, – я недоволен твоим сегодняшним поведением. Ты убил Горлока, уважаемого гражданина, превратил его в лицо в кровавую маску, сломал шею. Что это? В

городе не нужны конфликты, особенно сейчас, – подчеркнул сын Молота.

– Он принижал честь императора, насмеялся над армией Западной империи, – сухо ответил воин. – Ладно, Орсек, я прощаю тебя, но только потому, что ты мой друг и лучший солдат; хотя по закону я должен был бы отправить тебя снова в темницу. Иди.

И Тёмный человек ушёл. Он достал всё своё оружие из-под кровати и сложил в сумку. Взор его горел решимостью. Ничего не говоря, наёмник вышел на улицу. Шёл дождь, но Орсеку было плевать на это, он широким шагом направлялся к воротам. Воин понял, что действительно не имел права убивать гражданское лицо. Вдруг у него за спиной послышались звуки, как будто кто-то за ним бежал; затем чья-то рука опустилась ему на плечо. Воин остановился, но не спешил оборачиваться.

– Орсек, – услышал он голос Вираны, – ты нужен этому городу. Ты нужен мне. Я люблю тебя.

Сердце сжалось от радости, ему ещё никто не говорил таких слов, покрытое рубцами лицо расплылась в улыбке, такой редкой на войне, и обнял Вирану.

– Я останусь, Вира, – слёзы появились у него на глазах, но никто не видел, как плачет воин, – я останусь с тобой навсегда.

Ночью, на удивление гарнизона, татмонги отступили от города так далеко, что их не было видно, а с утра уже весь го-

род узнал тревожные новости: ночью же на взмыленной лошади примчался гонец из столицы Западной империи – Варшука, и сообщил Мору, что все крепости, кроме Ларга, на восточной границе действительно были захвачены. На юге и юго-западе сражения тоже пока заканчивались победами орд, и теперь армия песчаников, татмонгов и варваров двигалась к столице, а Мигис Великий приказал оставить Ларг и всеми оставшимися силами двинуться к Варшуку; такой же приказ был распространён по всей империи.

Когда народ услышал этот приказ, гул недовольства разнесся по площади. Никто не хотел покидать насиженные места; воины тоже были недовольны – город, который они с такими усилиями оберегали, теперь нужно было оставить без боя заклятым врагам.

– Люди! – закричала во весь голос Мор, стараясь заглушить гул голосов, – я тоже не хочу покидать крепость! Но это указ императора, и я его понимаю: если мы не поможем спасти столицу, то Ворлок без труда сможет захватить и всю Империю, – недавний драчун и забияка стал говорить, как мудрый правитель, и ларгцы, выслушав Мора, поняли, что он прав, и ничего не остаётся делать, как подчиниться.

Уже через сутки сборы были закончены, и длинный обоз двинулся вглубь страны. Через два часа после того, как они покинули город, Орсек с беспокойством заметил, что лес, к которому они приближались, очень тихий – ни одна птичка не щебетала, и шум листьев как будто был тише, чем обычно.

Даже ларгцы, и те молчали, им было, о чем вспомнить и подумать, покидая родной город. Поэтому, когда до слуха Орсека донесся шорох и хруст веток в перелеске, который донесся до его острого слуха даже через звук скрипа колес повозок, предводитель гарнизона закричал: «Лучники, к бою! Обоз остановить, граждане – в повозки, всадники – слезайте с коней!» – этим криком он спас многих людей, потому что, как Орсек и предполагал, здесь была засада. Тучи стрел вырвались из леса, они втыкались в крупы животных, дробили дерево на повозках, разрывали ткань и вонзались в плоть.

Около 30 человек было убито. Но если бы не Орсек, то уже половины ларгцев не было бы на этом свете, потому что там, где они только что шли, земля была покрыта стрелами. Лучники ларгцев начали обстреливать лес, оттуда слышались стоны и крики – стрелы достигали своей цели. Наёмники достали свои арбалеты и под прикрытием повозок и кустов приблизились к перелеску. Ещё один шквал стрел ворвался в лоно природы, вонзаясь в спины татмонгов. Мор с криком «Вперёд!» ринулся в лес, кинув на землю свой арбалет и размахивая молотом. Орсек, Вирана, Дрю и другие наемники побежали следом за ним, обнажая оружие. Но татмонги быстро бегали, а за перекрёстком у них были кони, преследование окончилось неудачей, и маленький отряд во главе с наместником двинулся обратно к обозу.

– Ты молодец, Орсек, – похвалил воина Тьмы сын Молота, – если бы не твой слух, возможно, уже все были бы мерт-

вы. Стрела – дура.

– Не я, так другой услышал бы, – отмахнулся от него Орсек.

Татмонг Огуйл лежал на куче опавших листьев. Стрела торчала у него из груди, его мутило, голова кружилась, но разум был чист; кровь стекала по кольчуге на землю, шлем валялся в двух метрах. Осталась одна стрела. Силуэты врагов растворились в утреннем тумане, только один, самый большой, выделялся чётко. Звон тетивы в последний раз.

Мор шел, разговаривая с Орсеком, и вдруг молот упал на землю, руки схватились за грудь, и гигантское тело рухнуло на пожелтевшую траву. Из-под него сочилась кровь. Орсек уже привыкший к смертям, сдавленно сказал: «Нет»; его глаза сразу отыскивали убийцу, привалившегося к дереву, тоже со стрелой в груди. Сзади, увидев падение Мора, уже бежали Вирана, Дрю и другие наёмники, но Орсек рванул к татмонгу быстрее ветра, освободив от ножен меч, и когда до убийцы оставалось метра три, он, как пантера, с диким рыком прыгнул вперёд. Сталь вошла в податливое тело, как нож в масло, по рукоятку, меч засел в земле на метр. Темный человек опустился на колени, возвёл руки к небу и упал на жёлтые листья. «Бог Войны! Зачем всё это» – прошептал он, но только ветер слышал воина.

...В крепости Гойк, столице Северных островов, во дворце из чёрного камня, в мягком кресле развалившись сидел в Ворлок. Коротко остриженные тёмно-русые волосы оттеня-

ли бледное лицо, карие глаза внимательно смотрели на собеседника – грузного маленького бородача в бардовой мантии. Это был Жуак Огрий, правитель Южной империи.

– Ну что, мой дорогой друг, – вкрадчивым голосом заговорил Ворлок, – Я доволен твоей работой.

– Я надеюсь, за помощь мне что-то перепадёт, – несколько неуверенно спросил Жуак.

– Да, – полушёпотом ответил король варваров, – Хотя другой на твоём месте радовался бы, что мой поход направлен на Мигиса, а не на него.

– Я рад, – всё также подобострастно ответил толстой король.

Если бы здесь были посторонние, они бы сразу поняли, кто в этой комнате главный, но в стенах, покрытых темным гобеленом, давящем на психику, не было щелей для любопытных.

– Я, в случае Победы, а я не сомневаюсь, что мы победим, отдам тебе всё Чёрное море, не придётся больше его ни с кем делить, но не забудь, Жуак, – прошептал Ворлок, – если ты вдруг перекроешь свои северные границы, и мои наёмники не смогут больше через твою страну попадать в Западную Империю, ад покажется тебе раем по сравнению с тем, что я приготовлю для твоего наказания.

Жуак Огрий покрылся холодным потом, он не сомневался, что Ворлок действительно сделает, что задумал, и никто его не остановит. Пожилой, повидавший виды уже человек,

правитель огромной страны, боялся Ворлока.

– А теперь проваливай! – снова так же спокойно сказал варвар, – И не забудь, что я тебе говорил.

Огрый быстро покинул комнату, торопясь скорее в экипаж, чтобы этой же ночью добраться до порта, а там со своими приближенными – на корабль и домой.

Ворлок провёл по гладкой щеке ладонью и довольно улыбнулся. Мало кто мог узнать в нём варвара, в жилах которого течёт северная кровь. Указательным и большим пальцем Ворлок потушил свечу, и комната погрузилась в Царство теней.

Уже не одну неделю обоз Орсека двигался к столице. За это время на них несколько раз нападали немногочисленные отряды татмонгов и воинов Песков; пару раз среди них ларгцы видели сильных воинов, которые выделялись на поле боя своими рогатыми шлемами, но все атаки противника были легко отбиты под руководством воина Тьмы.

Как обычно вечером, перед тем, как устроить привал, Орсек, Вирана и Дрю пошли в разведку, чтобы осмотреть местность. Луна тускло освещала равнину за холмом. Реактивный прижал палец к губам, делая знак, чтобы друзья молчали. Внизу, у подножия холма, горели огни – это факелы и костры отдавали свой свет людям.

– Песчаники, – прошептал Орсек.

– И у них продукты, заметила Вирана, как из повозки выкатили бочонок, вероятно вина.

– И эмблемы на повозках Мигиса, – добавил Дрю.

– Значит, эта продукция предназначена для столицы, – ответил Орсек, – но где же продукты, которые должны поставлять крестьяне из ближних к Варшуку деревень? – задумался воин.

– Орсек, мы должны отбить караван, – сказал Дрю.

– Ты прав. Вирана, предупреди наёмников, что через 10 минут мы нападаем. Пусть сразу бегут сюда. Надеюсь, эти уроды будут пить вино и не заметят нас.

А через 5 минут все воины собрались на холме. Люди песка, по-видимому, даже не подозревали, что по ту сторону холма укрылся вражеский обоз, и это было на руку Орсеку.

– Лучники, к бою! – приказал он, – Пли! – уже срываясь на крик, закончил Реактивный.

Полсотни стрел ворвались в стан худых врагов, у одних они разбивали кружки, и попадали в лицо, у других стрелы застряли в горле, и вино с клокочущим звуком булькало через новое отверстие на землю; остальные с визгами и криками заваливались за бочки и прятались в повозках. Не давая опомниться врагу, Орсек закричал: «Воины, вперед! В бой!».

– Хойа! -поддержали его крик наёмники и бросились со склона вниз, в лагерь песчаников.

Орсек бежал впереди всех, держа в обеих руках свой меч, чуть позади была Вирана, сабля которой блестела в лунном свете, и Дрю, размахивая топором. И вот они и остальные

воины ворвались в пристанище врага. Орсек, как палач, вершил правосудие, отрубая головы песчаникам. Вирана и Дрю пытались остановить с помощью оружия убежавших противников. Остальные наёмники доставали из убежищ дрожащих от страха на воинов песка. Кровь орошала землю, ее красные капли летели в оранжевое пламя костров. Тени отражались на лицах наемников, и эти лица ужасали врагов.

Яростный напор защитников Ларга дал им огромное преимущество в бою, но уже через несколько минут воины песка поняли, кто главный среди нападавших. Только убив его, они могли бы рассчитывать на победу. И пятеро из них, распоров на части одного из наёмников, который пытался отбить у них в одиночку повозку, загруженную бочками с пивом, побежали в сторону Орсека.

Краем глаза воина Тьмы увидел эту агрессивную группу, кричащую на бегу что-то воинственное и размахивавшую ятаганами, видимо, подаренными татмонгами. Двое противников, нападавших на него, уже валялись на земле, а третий был ранен в ногу. Ещё одно обманное движение – и меч Орсека увяз в рёбрах врага. Тёмный человек, убив этого песчаника, ещё успел осмотреться – не нужна ли друзьям помощь. Но Дрю и Вирана вдвоём удачно теснили кучку противников к болоту, а остальные наемники добивали оставшихся воинов.

Песчаники, как шакалы, окружили Орсека. Они ходили по кругу и присматривались к этому человеку, который убил

уже много их товарищей. Первым напал коренастый воин, телосложение которого не было похоже на соплеменников. Сабля пролетела в воздухе, где только что была голова Орсека, и меч воина снизу пронзил песчаника насквозь. Нападавший сзади получил порцию из двух метательных ножей в лоб и завалился в костёр. Его приятели ещё долго слышали треск горевшей одежды и мяса; трое оставшихся теперь увидели человека без оружия, беззащитного и слабого. Они не могли знать, что Орсек может убить и без оружия, но через пару секунд они это узнали: ближайший к нему воин махнул саблей, пытаясь отрубить голову Орсеку, но тот успел увернуться, и крепкий кулак Темного человека, которым он разбивал столы и деревья, со всей мощью ударил в подбородок нападавшему. Воин Песков свалился, как подкошенный, рассыпая на землю окровавленные зубы. Другие враги уже были в смятении, и воспользовавшись их замешательством, Орсек сорвал с кожаных тесемок на груди ещё два метательных ножа, которые тут же нашли свое место в груди одного из воинов. Последний оставшийся в живых, поборов шок от молниеносного напора Орсека, замахнулся саблей, чтобы закончить начатое дело, но нога Реактивного была быстрее – она попала в солнечное сплетение, у песчаника перехватило дыхание, рука безвольно опустила саблю. А Орсек внутренней стороной ладони с размаху ударил врага в лицо, и тот без сознания, с окровавленным лицом, упал на землю.

Орсек зло сплюнул на поверженного противника, и упер-

шлись в грудь коренастого воина Песков ногой, с усилием вынул свой меч. Оглядевшись, Орсек понял, что уже всё кончено, бой выигран. Осмотрев своих подчинённых, он понял, что после всех схваток осталось всего 10 наёмников, включая его самого Дрю и женщину-воина. Все они были измождены, никто из них не был серьёзно ранен. Но сил идти в свой лагерь не было.

Сложив в рупор ладони, на которых уже засыхала кровь врагов, Орсек заорал, обращаясь к стрелкам: «Оставьте дозорных, остальные – спать; мы снова выиграли бой! Гойя!». И в ответ ему наёмники и лучники радостно закричали «Гойя!», подняв оружие над головой.

Уставшие, но довольные воины, убрав от костра трупы, расселись вокруг него и решили распить уже начатую песчаниками бочку вина. Через полчаса, выпив по паре-тройке кружек вина, солдаты немного развеселились, начали вспоминать смешные истории, но постепенно снова стали говорить о войне, о погибших в бою, о сражениях, в которых они победили. А через пару часов все воины погрузились в хмельной сон.

7. Битва с медведями

Утро встретило наемников тяжёлым похмельем. У кого-то болела голова, у кого-то пересохло в горле, и все они с восходом солнца бросились утолять жажду кто чем – кто оставшимся вином и пивом, кто водой. Орсек, посмотрев на при ярком свете на «работу» своих солдат, почувствовал, что

его сейчас вырвет и зажал рот рукой. Вирана, увидев этот жест, высказала своё мнение:

– Наверное, ты вчера перепил, не помню, чтобы раньше так реагировал на кишки врагов.

– Угу, – покивал головой Орсек, с усилием сглатывая.

Немного оклемавшись, он сказал:

– Дрю, возьми пару ребят и освободите повозки от трупов. А ты, Миколас, – обратился он к рыжеусому силачу, – иди и позови остальных, скажи, пусть всем обозом огибают холм и едут сюда.

Через полчаса удлинённый караван беженцев из Ларга снова двинулся в путь. К вечеру они достигли местечка под названием Фугар, здесь-то Орсек и узнал, почему издали-ка шёл караван с продовольствием в столицу и почему продуктами её не могут обеспечить ближайшие деревни. Найдя всем ларгцам приют на ночь, сам Орсек сел на скамейку со стариком – старостой деревни около дома последнего.

– Ну что, Галук, – обратился Тёмный человек к старосте, – рассказывай про жизнь.

Дед почесал свою окладистую бороду и, немного покраснев, начал свой рассказ:

– Четыре месяца назад в нашей деревушке и ещё нескольких соседних произошла настоящая катастрофа – на них начали нападать мохнатые зубастые чудовища по четыре метра ростом. Кровожадные, яростные, они ломают наши амбары, топчут посеы, рвут людей на кусочки, даже в дом забрались

к кузнецу. Вся его семья превратилась в кровавые ошметки, а сам кузнец, Фитос, лишился руки, но сумел убить чудище кузнечным молотом, шкура монстра висит у него на стене.

– Ладно, старик, – задумчиво протянул Орсек, – мы постараемся помочь.

Сразу же после этого разговора он передал его содержание друзьям, и те решили помочь деревням. К тому же это могло вновь открыть доступ продукции в Варшук. Узнав у Галука, где находится злосчастный лес, Орсек, оставив Вирану и Угрюмого отдыхать в Фугаре, взял с тобой на разведку Миколаса.

За час они добрались до злополучного леса, а еще через полчаса, немного обогнув лес, увидели то, чего и ожидал Орсек – небольшой лагерь татмонгов.

– Человек 30, не больше, – определил на глаз Миколас.

– Они выгоняют зверя из леса стрелами, – предположил Орсек.

– Умный ход, – добавил Миколас.

После разведки они вернулись в деревню, чтобы получить несколько часов сна. Наутро Реактивный рассказал всё товарищам, и вместе они решили пойти сначала к кузнецу и посмотреть на шкуру зверя. Когда они вошли в дом, то сразу увидели изможденного, бледного, уставшего Фитоса. Потеряв семью и руку, он стал замкнутым и хмурым; и теперь он не стал говорить с наемниками, а указал пальцем на шкуру, висящую на стене. Судя по ней, размеры зверюги действи-

тельно были огромные.

Орсек подошел поближе, потрогал шерсть, осмотрел клыки и сказал:

– Это медведь, громадный медведь-мутант, и нам придётся туго. Вирана, мы вдесятером пойдём к лесу, медведи выскочат на нас. Станем метрах в десяти, и будем расстреливать. А ополченцев человек сто пусть обойдут лес с левой стороны и задавят эту банду татмонгов. Пойдём, пора.

Уже через полчаса они были на месте. 110 человек ждали, когда зашумят ломающиеся ветки в лесу. Три часа они безрезультатно прождали, некоторым уже это надоело, да и дрема закрывала глаза. Тучи закрыли небо, молния с сухим треском разорвала его, и полил ливень, в секунду сделав людей мокрыми.

– Ещё не хватало, – сказал Орсек и зло выругался.

И вдруг раздался дикий рёв, за ним ещё и ещё, слышался хруст веток, перекрывший шум дождя.

– Ополченцы! Бегом вдоль леса! Убейте их! Солдаты, луки к бою! – закричал Реактивный.

И через несколько секунд из леса с шумом вырвалось 5 медведей – настоящих гигантов. Стрела полетели в зверей без команды. Пока вставлялись новые стрелы, из леса появились ещё твари. Около двадцати животных выбежало из леса. Израненные, искалеченные, они рвались вперед, ища, на ком выместить ярость. И наемники замешкались – с такой опасностью им ещё не приходилось сталкиваться лицом

к лицу. Миколас не успел сменить стрелу, и мутант огромной лапищей ударил его по лицу; послышался характерный хруст ломающихся позвонков, а лицо было просто сорвано этим ударом, обнажив кровавые кости и хрящи. Угрюмый, недолго думая, бросил лук на землю и ударил медведя-убийцу топором в грудь. Ребра распались надвое, и медведь с внутренностями наружу рухнул на сырую траву.

– Гойа! – закричал толстяк, и это было сигналом к бою.

Медведи уже были близко, и люди рванули им навстречу. Вирана острым, как бритва, клинком сабли разрубила в прыжке мохнатую голову и, отпрыгнув в сторону, чтобы монстр не упал на неё, побежала дальше. Дрю стал вертеться на месте, рассекая воздух топором, но только один зверь нарвался на этот трюк, отчего с развороченной пастью пал. Орсек, высоко подпрыгнув, рубанул медведя, разрубив тому ключицу. Меч дошёл до сердца, и мутант упал на землю. Другие наёмники действовали менее удачно: лысый Хок уронил свой меч, когда медведь огромными когтями поранил ему руку; Даймон, темнокожий воин, был сразу же раздавлен двумя гигантами. Орсеку хватало и своих проблем – меч застрял в медведе, а другая тварь была уже близко. Орсек снял с бедер тесаки и кинул в животное. Но этим он лишь разъярил его. Оставалось одно, и он побежал навстречу медведю, заведя руку назад, а когда был уже в полуметре, рука с треском ворвалась в тело мохнатого зверя. Медведь ещё постоял немного на задних лапах, но всё же упал на землю,

потянув за собой Орсека.

Воин тьмы огляделся. Дрю убил уже третьего медведя, Хок увернулся от серии сокрушительных ударов и, подобрав меч, вонзил его в живот медведю. Вирана, не сумев вытащить саблю из убитого зверя, ножом прошила шкуру другому медведю. Тот встал во весь рост и зарычал, подняв лапы. Вирана была в смертельной опасности, Орсек должен был помочь. «Только бы получилось», – подумал он, доставая из-за спины саблю. Медведь уже начал яростно наступать на женщину, но сабля, сделав десять оборотов в воздухе, снесла полголовы мутанта. Туша упала прямо на Вирану, придавив ее всей массой.

Другие наёмники пока держались. На их телах были свежие шрамы, но они всё же были живы. Орсек поднялся с земли, еле освободив руку. Воин был весь в грязи, мокрый, окровавленный, но вряд ли в эти моменты кого-то интересовали такие мелочи. Внимание Орсека привлёк медведь, бегущий прямо на него, видимо испугавшийся топора Угрюмого, потому что он бежал со стороны толстяка. Когда Медведь был уже в метре, готовясь к тому, чтобы разорвать человека, Реактивный махнул второй саблей, схваченной из-за спины, и распорол шерсть на груди зверя. От боли медведь заревел и всем телом навалился на Орсека. Темный человек схватил за шею медведя, пытаясь удержать его натиск, а зверь уперся лапами в землю, всё ближе и ближе приближая морду к лицу человека. Пасть монстра была открыта, из неё капала слюна,

глаза его налились кровью. Реактивный чувствовал, что долго так не выдержит, и поэтому он уперся сначала коленями, а потом ступнями в грудь мутанту, и резко оттолкнул его. Медведь был очень тяжёлый, поэтому Орсеку удалось только откинуть его так, чтобы он встал на задние лапы. Орсек молниеносно вскочил на ноги, его кулак сломал несколько рёбер зверя, и не дав ему опомниться, воин, готовый на всё ради спасения своей жизни, возился зубами в шею животного и выплюнул окровавленный кусок. Медведь завыл от новой волны боли, а Орсек сжал железными пальцами его горло. Человек с Черной территории рванул что было мочи кусок мяса, зажатый в руке. Медведь рухнул, кровь хлынула на кожаную жилетку Орсека, и зверь грохнулся в мокрую траву. А воин все так же судорожно сжимал окровавленное глотку, не веря, что всё это происходит с ним не во сне.

Очнувшись, Орсек вспомнил о Виране и помог ей освободиться от трупа. С остальными медведями тоже было покончено. Теперь осталось всего восемь профессиональных наёмников, настоящих убийц, которые раньше служили на Молота.

Через 10 минут без потерь прибыли ополченцы; там исход битвы был заранее ясен, здесь же люди встретились с невиданными ранее чудовищами.

Придя в деревню, все пошли отдыхать. Орсек же заказал у лучшего мастера ожерелье из зубов медведя. Утром он подарил его в знак своей любви Виране. Чуть позже в тот же

день обоз ларгцев двинулся в дорогу. Через два дня они добрались до конечной цели.

Орсек лично передал караван императорскому казначею, а сам с Дрю и Вираной устроился на постоялом дворе, одном из лучших в Варшукке. Наконец-то они могли спокойно отдохнуть...

8. Дыхание смерти

Холодное утро бросало в дрожь редких прохожих столицы Северной империи, Норфолка. Мокрый холодный снег летел прямо в лицо людям, снежинки находили последний приют за шиворотом норфолкцев.

Лорд Армстронг быстро шёл по сырой мостовой, не замечая холодного ветра. Время от времени лорд оглядывался по сторонам в поисках подозрительных личностей, которые могли быть шпионами Ворлока, но никого подобного не было видно. Мужчине пришлось в целях конспирации пройти целый квартал от своей кареты. И вот он был на месте: величественное сооружение упиралось своими сводами в небо – огромный замок из белого мрамора, дворец императора Гарольда.

Лорд Армстронг решительно поднялся по скользким ступенькам к главному входу. Высокий худощавый человек вызвал опасения охранников, и дорогу ему преградили две секиры.

– Я посол императора Мигиса Великого, – сообщил промокший насквозь человек, тут же перед ним распахнулись

двери, и Армстронг, твёрдо чеканя шаг, уверенно двинулся к тронному залу. У входа его жестом остановил седой мажордом в белом камзоле. Слуга проскользнул в зал, и лорд услышал громкий возглас:

– Посол Его Императорского Величества Мигиса Великого лорд Армстронг! – и двери в тронный зал широко распахнулись.

Посол стремительно прошёл через весь зал и остановился у трона. Он поклонился согласно дворцовому этикету и только после этого поднял голову, глядя прямо на Гарольда. Сверху на него смотрел 60-летний мужчина с уставшими глазами; обвисшие усы худого правителя как будто стремились к полу, морщины на лице были похожи на паутину. Немного закашлявшись, император хриплым голосом произнёс:

– Убирайся вон, Труберт, – обращаясь к мажордому, и слуга молниеносно покинул залу, не забыв закрыть за собой двери.

– Стража, и вы тоже, – продолжил Гарольд, и от трона отделились рыцари в доспехах с мечами, которых лорд вначале принял за латы, украшавшие помещение, – а теперь Вы, лорд, – обратился к посланнику император, – я рассмотрел предложениями Мигиса Великого, где документ?

Армстронг расстегнул камзол и достал из внутреннего кармана сложенную вчетверо бумагу.

– Надеюсь, наш договор останется в тайне? – спросил посол, передавая документ в руки императора.

– Я клянусь своей честью, – ответил Гарольд, рассматривая причудливую роспись печать Мигиса Великого, – что нейтралитет с моей стороны не будет нарушен; я хотел бы и сам принять участие в войне, но Ворлок слишком ослабил мою страну.

Поставив подпись и печать, Гарольд забрал один экземпляр договора себе, а другой отдал Армстронгу.

– Прощайте, Ваше Величество, – поклонился посол.

– Удачи в войне, – совершенно серьезно пожелал стареющий монарх...

Целые сутки ларгские наёмники, теперь уже ни от кого не зависящие, отсыпались, радуясь покою и возможности на время забыть, что идёт война.

С двух часов дня пасмурным воскресеньем воины начали собираться в таверне «Синий гром». Здесь их никто не знал, и поэтому варшукцы отнестись к ним с недоверием, немного опасаясь шумной компании. Первыми пришли Хок, Дрю, Вирана и Орсек. Заказав себе по пять кружек пива, они оживлённо беседовали.

– Интересно, почему на подступах к столице нет наёмников Ворлока, – не обращая ни к кому, спросила Вирана.

– Я думаю, они ждут подкрепления, – высказал свои мысли Хок.

– Да, ты прав, – поддержал его Молниеносный.

– Слушай, Орсек, – обратилась к нему Вирана, – давай сменим тему разговора. Меня всё время интересовало, как

ты умудряешься носить на себе такую кучу оружия, так быстро бегать и не падать?

– Да! – поддержал её вечно молчаливый Дрю.

Орсек ухмыльнулся и решил удовлетворить их любопытство:

– Понимаете, – начал он, – ещё в детстве мне приходилось носить с собой оружие – Черная территория не лучшее место для детей, наш народ везде подстерегали опасности, и нужно было чем-то защищаться. А чем старше я становился, тем больше брал оружие, и вот теперь я без труда могу разгуливать с этой грудой металлолома.

Все приятели дружно рассмеялись над последней фразой Орсека, и разговор их продолжился в ещё более непринужденной форме, где нормальные слова перемежались с крепкими армейскими словечками. Через час к ним присоединились ещё два наемника, и веселье стало ещё более шумным.

– А где остальные? – насмеявшись вдоволь над очередной шуткой Хока, вдруг спросил Орсек у седого, как лунь, тридцатилетнего Бэйка.

– Дункан и Конор записались в армию императора и сейчас, наверное, выкладывают свои мешки в казарме, а мы с Бэйком решили, что живём один раз, и пришли сюда, – ответил за седого солдата Мордор, которого за его дикий нрав прозвали Вепрем.

– Ладно, гуляем, ребята! А умереть ещё успеем, – поднимая кружку пенистого пива, воскликнул Орсек.

Боевым товарищем было хорошо вместе, да к тому же с лучшим западноимперским пивом. Судан, известный в Варшуге вор, сидел за соседним столиком, надвинув капюшон на глаза. Он беспокойно озирался, боясь, что его узнают. Судан выбрал своей мишенью кошель Вираны, который она кинула на стол рядом с кружкой светло-русого воина. Выждав ещё 15 минут, вор решил начать действовать. Воины показались ему уже достаточно пьяными, чтобы не заметить кражи, и Судан крадущимся шагом подобрался к их столу. Рука потянулась между плеч, пальцы дрожали, ладони вспотели от нервного напряжения; кажется, они уже и дальше своего носа не видят. Уже близко! Сердце выскакивает из груди. И вдруг резкая боль в ладони!

А-а-а! – закричал Судан, его рука была пригвождена ножом к столу, и маленькая лужица крови постепенно увеличивалась. Орсек убрал с рукояти ножа свою ладонь и внимательно посмотрел в глаза вору – в них отразился животный страх, и Молниеносный брезгливо сплюнул на пол.

– Я не убил тебя только потому, что у меня был друг, Гарсум, когда-то он был вором, но умер он как настоящий воин, в бою! А ты, мразь, можешь окончить свои дни в сточной канаве, – уже зло прошипел наёмник.

Вдруг двери таверны распахнулись и, лязгая оружием, вошли воины кольчугах. Возглавляющий отряд крепыш со знанием дела осмотрел питейное заведение, его взгляд остановился на компании Орсека, и начальник патруля громко и

отчётливо выговорил:

– Отпусти его!

– Но он вор, – произнёс Орсек, поднимаясь из-за стола, – и грабит среди бела дня защитников империи!

– Не надо, Орсек, – дернув его за штанину, сказала Вирана.

Почему-то крепыш вдруг заулыбался и подошёл к столику наёмников.

– Так ты и есть Орсек, – всё так же широко улыбаясь, полуспросил солдат, – рад знакомству, – и в подтверждение этого протянул руку воину Тьмы. Тому ничего не оставалось делать, как протянуть свою. После рукопожатия солдат сказал:

– Варшукские патрули уже сутки разыскивают тебя, потому что император желает видеть легендарного Орсека.

– Легендарного? – с сомнением переспросил Молниеносный.

– Ну конечно, в Варшукке даже дети знают о человеке с Чёрной территории, который охраняет границу империи на востоке, – ответил патрульный, – а теперь нам пора во дворец, – через пару секунд продолжил он.

– Вирана, ну я пойду.

– Хорошо, милый, – сказала она, поднявшись со стула и чмокая его в щёку, – я сама доберусь до «Красного Быка», – так называлась их гостиница.

Судан, воспользовавшись тем, что про него уже все забы-

ли, напряг все свои силы и резко вынул нож из стола. Боль хлестнула по руке с новой силой, и вор с диким визгом выскочил из «Синего грома».

Орсек, уже забыв мелкий неприятный инцидент, попрощался с друзьями и отправился вместе с начальником патруля к самому Мигису Великому. По дороге он узнал, что его спутника зовут Алигас, и он занимается охраной столицы уже 5 лет, и ещё задолго до войны уяснил одну вещь – в столице всегда опасно.

Дворец встретил Орсека запахами благовоний, чистотой и уютом. Темный человек не увидел никаких признаков пышности двора, даже подсвечники были бронзовые, а не золотые. Орсеку, привыкшему к простоте, это понравилось. Ещё у входа его встретил слуга в красном камзоле и с напыженными волосами. Он попросил воина снять плащ и всё оружие, и теперь Орсек с облегчением шёл за слугой. Пройдя через все заслоны охраны, они оказались, на удивление наемника, не в тронном зале, а сравнительно небольшой комнате с книжными полками. У окна стоял письменный стол со стулом, на котором сидел мужчина лет сорока, поджарый, одетый в простую чёрную рубашку, серые штаны и офицерские сапоги. Волосы с проседью на висках были коротко стрижены, крупные черты лица дополняли чёрные усы. Глаза у этого человека были очень умные и немного грустные.

Только по тому, с каким достоинством держался хозяин кабинета и с какой уверенностью он разглядывал своего го-

стя, Орсек понял, что перед ним монарх. Наклонив голову, воин сказал:

– По Вашему приказу я прибыл, Ваше Величество.

– Сейчас ты не в армии, человек Чёрной территории, присаживайся, – и император указал Орсеку на кожаное кресло.

Воин Тьмы совсем не так представлял себе Мигиса Великого, он думал, что увидит толстячка с огромной короной. А в жизни на императоре даже не было этого символа власти – она лежала на книжной полке.

– Ты, наверное, не догадываешься, зачем я вызвал тебя?

– Нет, мой повелитель, – ответил воин.

– Погиб капитан моей личной гвардии. Я хочу, чтобы ты занял это место, – объяснил Мигис, – моя разведка сообщила мне всё о тебе. Как ты самоотверженно защищал Ларг, как отбил караван у песчаников и освободил несколько деревень от нападков чудовищ, – монарх нетерпеливо щёлкнул пальцами, – как их там?

– Медведи, подсказала Орсек.

– Ах, да, это редкость последние столетия, почти легенда или сказка даже... я даже знаю, что у тебя были неполадки с людьми песка, татмонгами и в городе Горс ещё до того, как ты стал ларгским наёмником, – закончил свою речь Мигис.

– Спасибо за оказанное доверие, – кратко выразил свою благодарность наемник – он знал, что будучи капитаном личной гвардии Его Императорского величества, он может посылать запросто любых офицеров куда подальше, кроме мар-

шалов и адмиралов, и это его полностью устраивало. К тому же капитану императорской гвардии полагалось приличное жалование, что тоже было немаловажно.

– Гойкан! – на удивление зычно крикнул император, и через минуту в кабинет вошёл лысеющий карлик с чем-то вроде иглы и чернил в руках.

– Это Гойкан, – представил Мигис вошедшего Орсеку, хотя воин это уже понял, – он сделает тебе татуировку, по которой каждый дурак поймёт, что за орёл перед ним сидит.

Гойкан принялся за работу, а император с интересом глядел на Орсека. Ему нравился этот молодой еще человек, покрытый рубцами и шрамами, повидавшей огонь и сталь. Он излучал уверенность и силу. Лицо воина осталось непроницаемым, хотя иголка больно вонзалась в кожу, и такая сила воли восхищала монарха. Через некоторое время карлик закончил свою работу и, отойдя на пару метров, стал любовно рассматривать татуировку на правом плече: две перекрещенные шпаги смотрелись там как нельзя кстати. Гойкан удовлетворенно кивнул головой, улыбаясь во весь рот. Император махнул ему рукой, и слуга, часто перебирая короткими ножками, так ничего и не сказав, покинул комнату.

– Орсек, – прервал затянувшееся молчание хозяин кабинета, – Я слышал, ты ко всему прочему ещё и неплохой стратег; ты можешь предложить что-нибудь дельное? – без тени улыбки спросил Мигис Великий.

– Почему бы, собственно, и нет, – задумчиво сказал Тём-

ный человек, – почему бы и нет.

– Но я должен тебя предупредить, по последним сведениям нашей разведки у деревни Фугар собираются всё более крупные отряды татмонгов, песчаников, и даже рогоносцев, как у нас в столице называют варваров, – сообщил император.

– Тогда остаётся одно, – сказал Орсек, – убить предводителя татмонгов.

Мигис широко раскрыл глаза от удивления, но потом вдруг вскочил из-за стола и, что совсем не вязалась с представлением Орсека о монархе, начал нервно расхаживать по кабинету. А еще через несколько минут Мигис Великий и Орсек начали с энтузиазмом обсуждать возможность убийства Байр-хана, великого князя татмонгов.

Вирана вышла из таверны уже затемно, её немного шатало от выпитого пива, но даже начавшийся морозящий дождь не мог испортить настроение. Тени сгущались над городом. Одна из них отделилась от других и выскользнула из переулка на безлюдную улицу. Согнутая чёрная фигура шаркающей шагом спешила за Вираной. Всплески воды и сухой кашель не вызвали её никаких опасений – в столице она чувствовала себя в безопасности, да и алкоголь вызвал небольшую эйфорию. В полумраке наёмница увидела вывеску «Красный бык» и немного замедлила шаг. Кто-то шлепнул по луже совсем близко, и Вирана резко обернулась. Стальное лезвие жалом пронзило сердце. Перекошенное от злобной радости

лицо было последним, что увидела возлюбленная Орсека. Тело женщины-воина без движения упало в лужу, и струйка крови обагрила воду. Рука, обмотанная пропитанной кровью тряпкой, дернулась к поясу; пальцы судорожно стали искать золото, и вот кожаный мешочек был в руках убийцы. Вор несколько раз боязливо огляделся и побежал в глубину тёмных переулков, подальше от места преступления. И когда через некоторое время затихли шлепки, только неестественно лежащее тело напоминало о злодеянии.

Орсек и император закончили разговор, уже когда звёзды высыпали на небо во главе с Луной. Монарх и подданный решили, что осуществить операцию можно уже через неделю.

Дождь всё ещё моросил, даже плащ не спасал от него. Орсек быстро шёл в гостиницу, чтобы поскорее рассказать обо всём Виране и потом с наслаждением уснуть в её объятиях. Но чем ближе он подходил к «Красному быку», тем тревожные становилось у него на душе. И когда ему осталось пройти всего квартал, ноги сами понесли Орсека в объятия судьбы.

Тело Вираны ещё даже не успело остынуть.

– Вирана, Вира, малышка моя, – сдавленно прошептал Орсек, опустившись в лужу на колени, – Нет! – уже закричал он. Воин Тьмы зажал в ладони ожерелье из зубов медведя и сорвал с шеи свой подарок, это получилось импульсивно, и наёмник в изнеможении упал на спину. – Нет...

Темный человек лежал так 5 минут, такой удар он не мог выдержать стойко. А через пять минут Орсек поднялся с мо-

стовой, и не глядя на тело Вираны, направился к казармам патрульных. Мужчина узнал свой нож в груди женщины, и он жаждал мести.

Холодный ветер ворвался в казарму и разбудил несколько охранников порядка. Орсек ввалился в помещение, внося свежесть дождя, и сиплым голосом произнёс:

– Мне нужен Алигас.

Заспанный солдат подошёл к Орсеку, сладко зевая.

– Что ты хочешь? – но воин Тьмы, не дав опомниться служаке, вытащил его на улицу, несмотря на яростные протесты.

– Мне нужна твоя помощь, – голос его был глухим и каким-то неживым.

– А до завтра подождать не мог? – недовольно спросил Алигас, но посмотрев на Орсека понял, что не мог.

– Мне нужен тот вор, который сегодня был в таверне, – перешёл к делу Орсек.

– Судан? Да, извини, я его сегодня сразу-то и не узнал, а увидев чужеземцев, сразу набросился на вас, – начал оправдываться Алигас.

– Где он обычно бывает? – требовательно спросил Орсек.

– Красная улица, дом 7. Но мы его еще ни разу не ловили с поличным, потому-то он до сих пор и не задержан, – пустился в объяснения солдат, но воин Тьмы уже не слушал его, а стремительно бежал, желая отомстить убийце, и даже оружие сейчас не тяготило его, потому что сталь была частью Тёмного человека.

Орсек пробежал три квартала, но даже не устал – злость придавала ему силы. Красная, 7 – дверь открыта. Это сооружение даже домом назвать было нельзя, полуразвалившемся сырая лачуга. По-кошачьи мягко он зашёл вовнутрь. В свете догорающей лучины воин увидел Судана, который склонился над столом и жадно пересчитывал деньги.

– Надо было тебя сразу убить, – этот голос ворвался в тишину, как будто из преисподней.

Вор вздрогнул; обернувшись к Орсеку, он не смог произнести ни слова – губы от страха онемели, а лицо побледнело.

– У меня ещё много таких ножей, – сказал воин Тьмы, в одно мгновение оказавшись около перепуганного вора, и воткнул ему лезвие в живот. Глаза Судана выкатились от боли, а Орсек рванул нож вверх, распарывая убийце брюхо. Теплые слизистые внутренности вывалились на руку Тёмному человеку, но ему было плевать на мучения вора. Воин подхватил безвольное тело, и выйдя на улицу, хладнокровно сбросил его в сточную канаву у дома.

– Я говорил тебе, падаль, как ты умрёшь, – и воин кинул на тело ожерелье Вираны.

Орсек не испытывал никаких чувств при этом, только чувство наслаждения.

Воин Тьмы пришёл в гостиницу полностью опустошённый. Угрюмый Дрю уже знал о несчастье – он затащил тело Вираны в их комнату, и теперь она, прекрасная даже во смерти, лежала на своей кровати.

– Ну как ты, а? – спросил Дрю, пытаюсь поддержать Темного человека.

– Отвали, Угрюмый! – вдруг сорвался на толстяке Орсек. – Отвали, – уже шёпотом добавил он и безвольно опустился на стул.

Слезы душили его, но он не мог позволить себе плакать.

Орсеку было больно оставаться здесь и он, вспомнив о предложении Мигиса поселиться в Башне у дворца, стремительно покинул гостиницу. Башня встретила его холодными стенами. Какой-то молодой гвардеец принёс ему вина, но в эту ночь уже ничто не могло согреть сердце Орсека.

9. Главный удар

Боль не прошла, но Орсек уже смирился с потерей Вираны; что-то оборвалось у него внутри, но память о возлюбленной навсегда осталась в сердце воина.

Через неделю после её смерти Орсек снова твёрдо стоял на ногах. Он все еще чувствовал себя разбитым, но винные пары уже испарились из головы, и теперь Орсек мог трезво размышлять и мыслить.

В первую очередь капитан императорской гвардии хотел обсудить последние нюансы предстоящего дела с советником по безопасности императора, Вэйколом. Для этого Орсеку пришлось сесть на своего коня и поехать в резиденцию советника. Вэйкол встретил Орсека с бокалом вина в руке, облаченный белый шёлковый халат.

– А, Орсек, – произнёс он, и тонкие губы, обрамленные

маленькой бородкой, исказились в презрительной улыбке.

Воину захотелось ударить этого высокомерного индюка, но он сдержался. Орсеку сразу не понравился советник, и вероятно, это было взаимно, но императору было плевать на личные отношения подданных, и он хотел, чтобы план Тёмного человека был осуществлён чем быстрее, тем лучше. И поэтому Вэйкол, смакуя вино, так и не дождавшись приветствия от Орсека, начал говорить по делу:

– Ну что ж, капитан, говори, что тебе надо для операции.

– Сначала я хотел бы услышать от Вас, – подчёркнуто официально сказал Орсек, – более почтительное обращение.

Вэйкол удивлённо поднял глаза на Орсека, но всё же смирившись такой наглостью наёмника, снова спросил:

– Так что же Вы хотели, капитан?

– Во-первых, Вы должны поклясться, что никто, кроме императора, меня и Вас не будет знать об этой операции, – начал выдвигать требования Орсек.

– Клянусь честью, – серьёзно сказал Вэйкол, положив ладонь на грудь.

Орсек удовлетворенно кивнул головой.

– Во-вторых, я сам наберу себе команду, без вашей помощи, – и Орсек выразительно посмотрел на советника, дав понять, что всё же не до конца ему доверяет. Это несколько покорило придворного, но он всё же вынужден был согласиться:

– Хорошо.

– И в-третьих... Мне нужно, чтобы из императорской конюшни было отобрано пять лучших лошадей, – закончил воин.

После этого заявления Вэйкол чуть не захлебнулся вином и закашлялся почти до слёз.

– Это невозможно, – через силу выдавил он наконец из себя, – это лучшие скакуны Западной империи.

– А мне и нужны лучшие, – отрезал Орсек, – к тому же наш повелитель, я думаю, будет не против.

Немного задумавшись, советник всё же согласился и с этим требованием. Видя, что Орсек ничего больше не хочет сказать, Вэйкол приподняв удивлённо брови, спросил:

– Это что, всё?

– Да, – твёрдо ответил новый капитан императорской гвардии, – детали операции я уже продумал, а Вас я не считаю необходимым посвящать в них. Считаю, что наш разговор окончен. И не сочтите за труд приготовить лошадей к вечеру и отдать их конюху гвардии, – с этими словами Орсек направился вон из этой резиденции, где ему уже порядком надоело, и от ее напыщенного хозяина.

«Это немыслимо, – подумал Вэйкол, – какой-то вояка обращается со мной, как с конюхом. Мне это не нравится, совсем не нравится».

А Орсеку пришлось повертеться до вечера, как белка в колесе, разыскивая своих товарищей по оружию в разбросанных по всему городу казармах регулярной армии Западной

ной империи. Ему не хотелось брать на такое сложное кого попало, даже гвардейцев, потому что он ещё не успел как следует узнать их подготовку, поэтому Орсек искал тех, кому доверял: Дрю, Хока, Бейка и Вепря. К концу дня Тёмному человеку удалось-таки собрать их вместе. Объяснив им, в чём суть операции, он сказал:

– Если кто хочет остаться в городе и не рисковать своей жизнью, оставайтесь, я пойму, – в ответ он услышал только глухое молчание и сопение Дрю, – я рад, что мы снова вместе. И мне бы очень не хотелось, чтобы кого-то из вас убили. Мы уже были у деревни Фугар, поэтому знаем местность, и я думаю, что это обстоятельство облегчит такую сложную миссию. Ну что, наёмнички, – подзадоривая друзей, сказал Орсек, – вопросы есть?

– А сколько нам заплатят? – всё же спросил Мордор.

Орсек облегченно вздохнул, поняв, что ничего в этом мире не меняется, а все наёмники вдруг беззаботно рассмеялись, хлопая друг друга по-дружески по плечам. Накалившаяся от предчувствия опасности обстановка моментально разрядилась.

– По 500 золотых каждому, – ответил Орсек, и наёмники удовлетворенно кивнули.

– И не в таких переделках бывали, – пробасил Дрю.

– Точно, – сказал предводитель маленького отряда наёмников, – ориентироваться будем по ситуации, – уже серьёзно заявил Орсек, – и надеюсь, не надо вам говорить, что прика-

зы должны выполняться беспрекословно.

– Так точно, – по-армейски хором ответили наёмники, видя перед собой уже не просто друга, а командира.

Лучшие скакуны империи уже ждали их ворот, а лучшие солдаты Мигиса Великого, так и не успев полюбоваться на красавцев-коней, помчались навстречу опасности, в сторону заходящего солнца.

Воины совершенно измотали коней, но уже к следующему вечеру прибыли в деревню. В тусклом освещении Луны защитники империи увидели только пепел, прах и руины. Еще недавно процветавшая деревня была полностью стерта с лица земли. И ни одной живой души, только одинокая коза, привязанная к колышку, жалобно блеяла. Повсюду на покрытой копотью траве лежали обгоревшие или разрубленные трупы, принадлежавшие мужчинам.

– Остальных в плен увели, – вслух высказал мысль, промелькнувшую в головах у всех воинов, лысый Хок.

Лес, растущий недалеко от деревни, был тоже наполовину выжжен. Подъехав к нему поближе, наёмники вслед за Орсеком спрыгнули с коней и привязали их к нетронутым огнём, одиноко стоящим на лугу у леса молоденьким берёзкам. За лесом слышались приглушённые крики и бой барабанов.

– Шумная толпа, – произнес Бейк.

– Огромная толпа, – поправил его Дрю.

– Ладно, ребята, хватит рассиживаться, – решил начать действовать Орсек, – пока ещё немного светло, надо лесом

добраться до их стана, а то вон тучи движутся прямо на луну.

И воины, привыкшие выполнять приказы, уже без разговоров побежали в лес. В нос им ударил запах гари, сырости и хвои. Сучки хрустели под ногами, ветки хлестали лицо. Орсек хотя и был весь обвешан оружием, бежал быстрее всех. Позади маленького отряда бежал Дрю, от него-то и был весь шум.

– Потише! – тихонько, насколько это возможно, прикрикнул Орсек. Угрюмый, поняв его по-своему, стал передвигаться ещё медленнее, но отстав на порядочное расстояние от остальных, он, собрав все силы, догнал их.

Чем ближе слышались громкие крики татмонгов и улюлюканье песчанников, тем медленнее был шаг Орсека. Наконец он и вовсе остановился, показав жестом, чтобы остальные поступили так же. Наемники стали тише ветра, который приятно ласкал кожу.

Предводитель отделился от своих подчинённых и почти бесшумно, мягко ступая на землю, следя за каждым своим шагом, сквозь ночную мглу, прошел ещё метров десять, пока не оказался на маленькой лесной полянке.

– У-у, у-у, – сложив рупором ладони у лица, сымитировал сову Молниеносный, таким образом подавая сигнал товарищам, чтобы они быстрее присоединились к нему.

Теперь все наёмники, затаив дыхание, смотрели через небольшой перелесок на оранжевое пламя костра и тёмные силуэты двух дозорных. Наемники даже слышали разговор

песчанников.

– Хорошо Байр-хану, – произнёс один громко.

– Да, – поддержал его напарник, – тискает сейчас баб, пьёт вино, барабаны слушает.

– Да-а-а, – протянул первый, зевая.

– Не спи, а то «Красная шапочка» тебе голову снимет, – произнёс песчаник и немного хохотнул. «Красная шапочка...», – что-то подозревая, подумал Орсек.

– Так, ребята, – почти не слышно прошептал он, – видимо, Байр-хан где-то в центре лагеря, будем искать, разделимся и ползём.

«Как я поползу с такой кучей оружия, – ни с того ни с сего подумал капитан, – надо было раньше думать, тьфу», – в сердцах сплюнул он. Воины удивлённо на него взглянули, и сам Орсек, испугавшись собственной оплошности, опасливо посмотрел через редкие деревья в сторону дозорных, но те всё так же мирно беседовали, и наёмник немного успокоился.

– Вот что, – продолжил шёпотом Орсек, – из из оружия оставьте только ножи, остальное будет только мешать, – и первый снял с себя лишний груз, оставив только два маленьких ножа в сапогах и два боевых – на бёдрах; остальное оружие было аккуратно положено под сломанную сосну. Товарищи последовали его примеру.

– И еще, – продолжил инструктаж Орсек, – надо проложить дорогу в стан врага и заменить воинов песка. Дрю

слишком большой для песчаника, Хок лысый, и его голова будет блестеть у костра, как маяк для фрегата. Я лично отвечаю за операцию, поэтому Вепрь, Бейк, эта работа за вами.

Наемники безоговорочно пошли в перелесок, где опустились на землю и ползком, почти бесшумно, поползли к костру. А через несколько минут воины, оставшиеся на поляне, слышали в ночной тишине два, почти слившихся в одно, щелчка, как будто сломались сухие ветки. Ещё через несколько минут Бейк и Мордор притащили безвольные тела со сломанными шеями на поляну, где их и бросили.

Одев накидки песчаников, защищающие от дождя и ветра, Вепрь и Седой заняли места дозорных, у которых выдался неудачный день. Вслед за ними на равнину из леса выбрались Дрю, Орсек и Хок. Равнина переходила в холмы, и прямо до горизонта между ними тянулись вереницы повозок, палаток, шатров, повсюду дым от костров уходил в небо. В некоторых местах ещё били барабаны, и под эту музыку кричали и визжали подвыпившие татмонги, но досюда эти вопли почти не доходили. Все свободное пространство было занята армией наемниках Ворлока.

– Е-моё, – не сдержавшись, выдохнул Дрю, – их же здесь тыщ десять, не меньше.

– Тсс, – Орсек прижал палец к губам, показывая, чтобы толстяк заткнулся.

Угрюмый, поняв свою ошибку, инстинктивно захлопнул рот ладонью, чтобы лишними звуками не разбудить врагов,

тихо посапывающих и похрапывающих в палатках, расположенных метрах в пяти от костра.

– А вы, – нагнулся Орсек к удобно устроившимся на бревне Седому и Вепрю, – чтобы никто не заметил подмены, отвечайте всем односложно – да, нет. До утра мы вернёмся.

Реактивный махнул рукой и вместе с Угрюмым и Хоком опустился на землю. Как змеи, они должны были добратся к шатру Байр-хана, чтобы смертельный укус прервал его жизнь. Больше всего Орсек беспокоился за Угрюмого – тот был слишком большой, его могли увидеть, но всё же воин Тьмы надеялся, что ночью его не заметят и у толстяка хватит ума не подползать к кострам. Да к тому же, у Орсека всё равно не было выбора – не так-то много было людей на Земле, кому бы он мог доверить такое ответственное дело, и Дрю был одним из первых таких людей.

Холод земли обволакивал тело, сырая трава замедляла движения. Да и ползти прямо перед носом врага уже было не очень-то приятно. Что-то резко щёлкнуло. Наёмники вздрогнули от неожиданности и вжались в землю. Но оказалось, что это баловник-огонь пожирает сухую ветку, и войны с натянутыми от ощущения постоянной опасности нервами так же тихо поползли дальше. Изредка из шатров выходили татмонги или песчаники, чтобы справить нужду и выпить ещё вина у костра, и каждый раз наёмники замирали на земле, ожидая, что их раскроют.

Два часа они ползли по земле, и наконец Орсек подал

знак, чтобы войны замерли – метрах в 50 он увидел величественный шатёр, прошитый блестящими в свете огня серебряными и золотыми нитками. Над кочевым жилищем возвращался флаг Ворлока и штандарт татмонгов – Золотой дракон. Воин Тьмы показал большой палец, но Дрю с Лысым и так поняли, что это шахтёр Байр-хана.

Орсек подполз поближе к друзьям и прошептал: «Вы обеспечите тех двоих у костра, а я того, что сзади шатра, и Хан – мой». 50 метров солдаты преодолели без труда. Два охранника покоя предводителя кочевников молча смотрели на костёр, вялые, сонные и уставшие. Дрю с несвойственной ему резкостью вскочил с земли и метнулся к сидевшему слева татмонгу. Огромный тесак блеснул в воздухе и возился в спину, и тело нашло своё место в костре, а искры огня поднялись в небо. Сосед убитого как-то ошарашенно оглянулся и увидел лицо смерти -армейский нож Хока вонзился прямо в сердце.

Гийкусан уже вторые сутки дежурил сзади шатра, ему это уже надоело – не с кем было поговорить, костёр, и тот не разрешили зажечь. Кто-то постоянно шатался между шатров, но ни один из них не был настроен поговорить у жилища хана. Когда чья-то тень поднялась с земли недалеко от палатки, Гийкусан не удивился, подумал, что это пьяный воин проспался и сейчас пойдёт долить в себя ещё пару кружек вина. Но воин довольно подозрительно тихо и прямо шёл. И чем ближе он приближался, тем тревожнее становилось на душе

Гийкусана. Последнее, что он услышал – это свист разрезаемого воздуха, и нож с хрустом пробил лобную кость юнца.

Орсек всё так же тихо подкрался к палатке. Сорвав с кожаного ремня на бедре ещё один нож, воин медленно разрезал красивую ткань и бесшумно проник в шатёр. Подождав, пока глаза привыкнут к крошечному мраку опочивальни Байр-хана, Орсек осмотрелся. Из угла на него испуганными глазами смотрела совершенно голая наложница, она уже открыла рот, чтобы закричать, но сильная ладонь Тёмного человека закрыла его, а правая рука дёрнулась к шее и сжала сонную артерию, а девушка потеряла сознание.

– Поспи, дорогая, – шёпотом произнёс Орсек.

Огромная туша лежала рядом с ней. Всмотревшись в обрюзгшее лицо Байр-хана, он понял, что почему-то не испытывает к нему никакой ненависти, но долг был превыше всего, и боевой нож от уха до уха разрезал горло татмонга, так и не проснувшегося перед смертью.

Обратно наёмники доползли быстрее, потому что уже знали дорогу. Вепрь и Седой всё так же сидели у костра поблизости перелеска. Орсек соединил большой и указательный пальцы, что всё в порядке, но это и так было видно по довольным лицам Лысого и Дрю. Воин Тьмы махнул рукой в сторону леса, таким образом приказывая отступать. Сам он решил осмотреться ещё, опасаясь погони, но все было тихо.

Могол неторопливо шёл между шатрами, проверяя дозорных. И вот прямо у леса он увидел костёр, около которого по-

чему-то нет солдат, а в лесу затерялась какая-то фигура. Не в правилах бывшего капитана наёмников Ларга было звать на помощь в случае опасности, и он не раздумывая бросился вслед за тенью.

Орсек услышал треск ломаемого сушняка в перелеске и остановился. Поляну слабо освещало начавшее восходить солнце. «Надо быстрее заканчивать с преследователем, с рассветом найдут тело Байр-хана и тогда начнётся...», – подумал Реактивный. В вырвавшемся из сосновых лап человеку он без труда узнал Могола.

– Наконец-то, – прошептал Орсек, – предательства я не прощаю никому.

– Глаз за глаз, зуб за зуб, – выговорил татмонг, – ты убил моего брата в песках. Подданные Горкюса III, моего брата, тебя в точности описали, и теперь ты умрёшь! – прошипел он в лицо Орсеку. Сабля взметнулась в воздухе, но нашла лишь пустоту там, где только что была голова Тёмного человека. Тот откатился немного назад и проворно вынул ножи из сапогов. Татмонг не успел сделать и двух шагов, как два острия резкой болью согнули его тело пополам. Дрожащие колени коснулись земли. Молниеносный моментально подскочил к раненому. Нож, окроплённый кровью Байр-хана, не разбираясь в титулах и должностях, воткнулся в грудь сотника; кровь потекла ртом – было порвано лёгкое.

– Хракх, – вместо проклятия вырвался хрип.

А Орсек уже бежал к лошадям, и так зная исход для Мого-

ла. Наемники ждали его, и когда он наконец появился, окинули удивлённым взглядом предводителя. Но воин Тьмы так никогда и не рассказал, что произошло этим утром на поляне...

Ободренные успехом наёмники шумно ворвались в Варшук. Через Вэйкола Орсек передал императору информацию о результатах операции и извинился за то, что не смог сам появиться. А вместо встречи с монархом наёмники купили себе бутылок 10 красного вина, и захватив с собой несколько красоток, отправились на башню к Орсеку.

Воины гуляли от души; их возбуждённые восклицания доносились, наверное, до дворца. Орсек тоже пытался веселиться изо всех сил, но ничего не получалось – образ Вираны всё время стоял у него перед глазами, – самой любимой и красивой женщины.

10. Исход

На следующее утро Орсек уже без помощи слуги отыскал императора в кабинете. С охранниками у Тёмного человека тоже не возникло проблем, потому что все они теперь были его подчинёнными. Мигис Великий, судя по выражению его лица, был счастлив, и от души поблагодарив Орсека, крепко, чисто по-мужски, пожал ему руку, хотя это совсем не соответствовало дворцовому этикету. Вэйкол, присутствовавший здесь же, стоял, прислонившись к книжному шкафу. Советник скрестил руки на груди, что говорило о том, что он еле сдерживает себя. Увидев панибратство мо-

нарха с воином, Вэйкол уже откровенно недовольно поморщился, но ничего не сказал.

А гвардейцы, стоящие в дверях, ничем не выразили своих эмоций, хотя внутренне были искренне рады за Орсека и гордились тем, император жмёт руку их новому начальнику.

Снова сев за свой стол, Мигис Великий требовательно посмотрел на советника. Тот всё так же, словно каменный, стоял у шкафа.

– Вэйкол! – прикрикнул император.

Советник тяжело вздохнул и без особого энтузиазма приступил к выполнению данного монархом поручения. Вэйкол медленно подошёл к Орсеку, одновременно открывая бархатную коробочку. В ней красовалась золотая восьмиконечная звезда.

– Капитан Орсек Тёмный, – почему-то сделав имя наемника на одно слово больше, совершенно официально произнёс Вэйкол, – за заслуги перед Отечеством Вы награждаетесь золотым императорским орденом, – и советник с усилием воткнул иглу ордена в камзол Орсека на левой части груди.

После этого Вэйкол молча вышел из кабинета, не забыв перед этим поклониться Императору. Мигис Великий вместе с Орсеком Тёмным ещё долго болтали, отобедав и отужинав вместе. Монарх хотел знать все подробности дела. А когда они уже собрались расстаться, правитель вдруг воскликнул:

– Ах да, чуть не забыл! После вашей диверсии каждый

десятый воин татмонгов был казнен, а их предводители начали бороться за власть, и теперь их разрозненные отряды бьются до смерти, ха-ха-ха! Рогатые вообще с утра исчезли, а песчаники забрались в свои норы. Война выиграна!

Тёмному человеку удалось отдохнуть несколько деньков, но через неделю Мигис Великий снова вызвал Орсека, но не для поздравлений, а чтобы поделиться с ним тревожной информацией:

– Наши шпионы из замка Ворлока сообщают, что он все еще вынашивает какие-то планы, хотя уже не имеет власти над татмонгами.

– У Вас и там разведка? – не побоялся прервать императора Орсек.

– Да, – раздражённо ответил Мигис, – и, видимо, Ворлок давит на Жуака Огрия, чтобы тот не только поддерживал свои границы открытыми, но и вступил в войну...

Дав Орсеку осмыслить то, что он услышал, император после минутной паузы добавил:

– И я думаю, что твой план по убийству главаря сработает и здесь, – определил наконец новую миссию монарх.

Орсек не счел возможным перечить Мигису Великому и поэтому просто сказала:

– Я займусь этим.

Когда воин Тьмы был уже у двери, голос Императора остановил его:

– Через 2 дня в порту будет ждать самая лёгкая и быстро-

ходная шхуна флота Империи – «Белая акула», это не военный корабль, но команда там – самые отчаянные матросы, и они много раз помогали в военных операциях. Гонец всё там обговорит, твоя задача – набрать себе сопровождение. Империя снова на грани, и Ворлок должен умереть, – закончил Мигис.

Как было оговорено, утром через двое суток после важного разговора, Орсек и Дрю были в порту. Поднявшись на корабль, они сладко потянулись и почти одновременно зевнули, отчего чуть не рассмеялись. Жизнь речного порта в Варшукте текла размеренно, усыпляя воинов.

Но такая идиллия была прервана самым нахальным образом: из капитанской рубки резво выбежал, широко размахивая руками, почти круглый краснолицый человек невысокого роста. Из рта коротышки изрыгались самые солёные матросские словечки, какие когда-либо приходилось слышать воинам. Только подбежав к ним, мужчина наконец-то произнёс что-то более или менее осмысленное:

– Вы, земляные крысы, не думайте, что если я получил грамоту императора о вашем приходе, то вы тут начальники! Я капитан, и кто бы вы ни были, пока занимаете места на «Белой акуле», будете подчиняться мне! – закончил толстячок.

Орсек усмехнулся и, глядя прямо в глаза капитану корабля, ни с того ни с сего легонько, без размаха, щелкнул ему кулаком по скуле. Краснолицый опешил от неожиданности,

неестественно выпучив глаза, но устоял на ногах.

– Ты хоть знаешь, с кем разговаривал таким непозволительно грубым тоном, урод? – спокойно спросила Орсек. – Моя должность, по мнению императора, равна адмиральской, – без тени бахвальства произнес он.

Но очухавшийся от первого шока капитан видимо не хотел понимать по-хорошему. Рука его потянулась за тесаком. Тогда Орсек молниеносно сбросил плащ, который он держал в руке, на палубу, так же быстро был снят камзол, который полетел вслед за плащом, и теперь торс Орсека покрывала только кожаная жилетка. На ней красовалась восьмиконечная звезда – воин снял ее с камзола, потому что не любил показухи – но не её он хотел показать. Наёмник развернулся правым боком к команде корабля. На мускулистом загорелом плече была выбита татуировка – символ капитана личной Гвардии Его Императорского Величества. Все матросы выдохнули с восхищением, а капитан «Белой акулы», безвольно опустив оружие, развернулся и с видом наказанного школьника побрел на капитанский мостик.

– За 5000 золотых, которые тебе передал император, мог бы быть и повежливее с гостем, – назидательно бросил ему вслед Орсек.

Как только забияка скрылся из виду, к прибывшим на корабль подошёл высокий и болезненно худой человек в синем, простого покроя, камзоле.

– Меня зовут Гейкалак, – представился он, – я помощник

капитана. Извините его за грубость, Ванолуй по жизни очень несдержанный человек.

– Ничего, – улыбаясь самой своей добродушной улыбкой, сказал Дрю, – теперь он знает, кто здесь главный, – и толстяк многозначительно посмотрел на Орсека.

– Тем не менее, у Вашего друга теперь появился смертельный враг, – ответил ему Гейкалакс.

– Прорвёмся, – уверенно заявил Угрюмый.

– Отдать швартовы! – вновь услышали воины голос Ванолуя. – Гребцы, за весла!

«Белая акула» покачнулась, и легкий парусник поплыл вперед, рассекая волны, навстречу неизведанным приключениям.

Большую часть путешествия Орсек проводил на палубе, особенно когда шхуна вышла в море. Ему нравилось в этом бескрайнем просторе. Полной грудью он вдыхал свежий морской воздух, наслаждаясь быстрым ветром, который хлестал его в лицо, развевая волосы. У Дрю не было такого восхищения стихией – его мохнатая голова то высовываться из иллюминатора, то склонялась над водой. Морская болезнь отразилась на здоровье спутника Орсека: он побледнел, почти позеленел, и совершенно ослаб.

Но всё же однажды вечером Дрю пересилила себя и поднялся на палубу, присоединившись к другу. Он, закинув голову, посмотрел на уже потемневшее небо, на котором начали появляться маленькие звёздочки, и мечтательно произ-

нёс:

– А ведь когда-то люди летали меж звезд.

Но Орсек был менее романтичным, и поэтому вполне резонно заметил:

– Дрю, Совет императоров 400 лет назад не зря запретил использование научных изобретений, наш мир превратился в то, чем он является сейчас – большую выгребную яму. Каждый человек должен защищать себя с мечом в руках. Это справедливо, и не приведёт к концу света.

После приятели больше не возвращались к этому разговору.

Благодаря попутном ветру и сильным гребцам «Белая акула» достигла места назначения в течение недели. Перед тем, как сесть в шлюпку, Орсек подозвал к себе Ванолуя:

– Слушай, капитан, – шепотом, чтобы его услышал только толстяк, сказал он, – если по нашему возвращению корабли не будет на этом же месте, я тебя когда-нибудь разыщу и убью.

На этом разговор и закончился. Лодка с двумя матрасами и наемниками носом мягко уткнулась в песчаный берег. Орсек сам выбрал на карте наиболее безлюдное, как ему казалось, место, и поэтому можно было не опасаться появления неожиданных гостей, или скорее, хозяев.

Подождав, пока шлюпка отплывет от берега, воины, просчитав по карте путь, который им предстоит одолеть, походным шагом двинулись вглубь Хайкуна, главного из Север-

ных островов. Без приключений мужчины в течение суток достигли столицы королевства.

Густой молочный туман покрывал Гойк. По улицам крепости туда-сюда сновали люди, плотно закутавшиеся в плащи от холода и ненастья, в основном вооруженные мужчины, поэтому Орсек и Дрю могли не опасаться, что они выделяются из толпы. Наемники неспешно шли по маленькому городку, взглядом ища колокольню. Перед самым отъездом из Варшука император наставлял их: – У маленькой ветхой часовенки вас будет ждать Милос, агент нашей разведки, он должен помочь.

Орсек не стал спрашивать, как шпион так быстро узнает об их миссии, видимо, между Западной империей и резиденцией Ворлока уже давно была установлена связь.

Навстречу наёмникам быстрым шагом шли солдаты Северных островов. Поравнявшись с западноимперцами, они приостановились.

– Ненастная погода, ребята? – заговорил на варварском наречии северянин. Орсек и Дрю переглянулись и непроизвольно сжали сабли под плащами.

Но через секунду воин Тьмы успокоился. Поддавшись уговорам советника по безопасности, они взяли с собой красные капюшоны храма Бога войны Милакоса, которому поклонялись и варвары. И теперь северяне могли подумать, что два священнослужителя были слишком углублены в молитву.

– Немые, что ли? – спросил у товарища высокий солдат.

– А кто его знает, – пожал плечами его спутник, и мужчины неторопливо двинулись дальше.

«Наконец-то», – вздохнул с облегчением капитан императорской гвардии. Ему уже начал надоедать этот непонятный говор. Если язык татмонгов и людей песка Орсеку был ещё знаком, потому что с ними часто приходилось сталкиваться, то это наречие он услышал впервые.

Отойдя метров пятнадцать, высокий варвар обернулся и, глядя в спины ссутулившихся прохожих, ускоривших шаг, почти исчезнувших в белом тумане, задумчиво произнёс:

– Странное жрецы, – ведь ему и в голову не могло прийти, что кто-то осмелится вот так нагло проникнуть в сердце Северного королевства.

Через полчаса наёмники наконец-то смогли отыскать среди лабиринтов каменных улиц колокольню. Это было ветхое, давно заброшенное сооружение, видимо пережившее все ядерные войны, и теперь совершенно пустовавшее. У входа стоял шупленький юноша, который, пытаясь согреться, тер друг о друга ладони. Увидев путников в красных накидках, молодой человек стремительно к ним подошёл.

– Угур абол гур? – спросил он у них что-то по-варварски. Воины недоуменно переглянулись, и малец через секунду заговорил уже на западно-имперском языке:

– Это всего лишь проверка. Я знаю кто вы. Следуйте за мной, – и парень неизменно быстро шагом двинулся в сто-

рону дворца.

По дороге Милос объяснил воинам, что не может провести их без подозрений через главный вход, поэтому он остановил свой выбор на подземном ходе под дворцом, который вёл прямо в подвал, где Ворлок проводил большую часть времени.

– И еще, – показав прикрытый бетонной плитой вход в подземелье, сказал Милос, – в тоннеле несколько охранников. Будьте осторожны.

– Победа будет за нами, – буркнул в ответ Дрю.

Шпион бесшумно развернулся и исчез в тумане. На пятиметровой стене промелькнула расплывчатая фигура охранника.

– Пора, – пробормотал Орсек и первый навалился на плиту. Она со скрежетом сдвинулась, и воин осторожно остановился, опасаясь, что теперь каждая собака в городе знает об их диверсии. Но всё было тихо, и Орсек с помощью Дрю осторожно открыл проход.

Деревянная скрипучая лестница привела их в сырое подземелье. Стены были подернуты плесенью. В отблеске света от факелов блестела вода.

Пройдя уже минут 20, наемники встали на месте – из-за угла слышались крадущиеся шаги, которые было отчётливо слышны в зависшей в коридоре гробовой тишине. Голова, прикрытая рогатым шлемом, опасно высунулась из-за угла. Две сабли одновременно воткнулись в тело, оборвав жизнь северянина.

Дальше Орсек и Дрю шли уже более медленно, ожидая нападения. И их ожидания оправдались – на них выскочили трое противников. Наёмники оказались в своей стихии, и численное превосходство не спасло варваров. Сабли солдат Западной империи рубили, резали, кололи. Светло-зелёная плесень окрасилась в красное, и уже через пару минут три трупа лежали на мокром полу.

Дойдя до каменной двери, Орсек и Дрю так больше никого и не встретили. Толстяк всей своей массой уперся в выделяющуюся часть стены, и почерневшие от времени дверь открылась. Ворлок спокойно сидел за столом, читая старинное издание философских трактатов Макса Вебера. Орсек проскользнул в тёмную комнату, оставив Дрю в коридоре. Услышав позади себя шум, варвар резко обернулся. Негодование от того, что его прервали, сменилась на его лице удивлением.

– Конец войне, – сквозь зубы произнёс Орсек.

Пламя свечи колыхнулось от движения воздуха. Брызги крови испачкали гобелен. Голова Ворлока глухо стукнулась о каменный пол. Остекленевшие глаза смотрели в потолок.

С восклицанием «Всё кончено!» Орсек выскочил в коридор и сразу же остановился, как вкопанный. Дрю сидел на полу, зажав рукой живот; через пальцы сочились тёмно-красная кровь. Но противнику толстяка повезло ещё меньше – мощный удар разрубил тело пополам, рогатый шлем одиноко валялся в метре от трупа.

– Пора сматываться! – почти обречённо закричал Тёмный

человек.

С трудом подняв Угрюмого, Орсек, поддерживая тяжёлую тушу, практически вытащил его из подземелья. На счастье наёмников, метрах в десяти от дворцовой стены, пожевывая удила, стояли два вороных скакуна. Через силу подняв Угрюмого в седло, Орсек вскочил на другого коня. Пришпорив скакунов, воины очень быстро покинули город. Весь путь им казалось, что преследователи дышат им в спину.

Песчаный берег встретил их холодно и неприветливо. Никаких признаков корабля.

– Ну попадись мне, подонок, – высказался о Ванолуе Орсек.

Скакуны галопом шли вдоль скал, по берегу моря, разметая в стороны песок. Через пару часов они прибыли в местечко Чийан, где Орсек надеялся найти средство передвижение по воде. Удача была благосклонна к наёмникам. Прямо у причала стояла маленькая яхта зелёного цвета. Забыв о правилах чести, Тёмный человек подкрался сзади, и нож резко перерезал шею сторожившему суденышко северянину.

Теперь яхта была в их руках. Найдя карту, Орсек направил корабль на юго-восток. Воину приходилось надеяться на ветер. И здесь ему повезло.

Через неделю плавания Дрю начал поправляться, а в конце второй уже полностью вошёл в норму. Ему повезло, что толстое брюхо не позволило распороть живот до внутренностей.

Через 15 дней пути маленькая потрёпанная яхта уткнулась носом в причал Варшуковского порта. Город радовался, незнакомые люди обнимались, женщины смеялись и плакали, дети возбужденно бегали по улицам. У первого же прохожего, юного солдата, Угрюмый спросил:

– Что случилось-то?

– Ну вы, мужики, даёте! – воскликнул солдат. – Война кончилась! – и продолжил свой путь с таким гордым видом, как будто это он разрешил ход войны.

Орсек и Дрю бурей ворвались во дворец. Гвардейцы удивлённо переглянулись, никак не препятствуя наёмникам. В тронном зале шло веселье, придворные поздравляли императора, друг друга, пили вино, ели, перемигивались с женщинами – в общем, пирушка шла полным ходом.

Когда вдруг неожиданно появились воины, Мигис Великий вскочил со своего трона и недоуменно на них уставился. Поняв, что это не мираж, император сам подошёл к наёмникам. Все присутствовавшие притихли.

– Это – наши спасители! – громогласно объявил Мигис, – человек с Черной территория и сержант Дрю освободили нашу страну от ненавистного врага!

После этих слов зал заполнился шумом оваций. Посадив Дрю рядом с советником по финансам и первой фрейлиной Императрицы Фелисии II, Мигис Великий, подхватив Орсека под руку, отошёл с ним в сторону.

– Ты молодчина, Орсек, – выговорил он, пряча слёзы в

глазах, и обнял воина. После этого лицо монарха потемнело. – Когда я узнал, что «Белая акула» не прибыла в порт в срок, я приказал отыскать эту сволочь Ванолуя, поняв, что он Вас бросил. Но мои корсары смогли узнать только, что где-то на Чёрном море пиратствует корабль с таким же названием... А теперь иди отдыхай, – после паузы сказал Император.

Мигис Великий занял своё место и, нагнувшись к своему верному слуге – карлику Гойкану, что-то тому прошептал на ухо. Гойкан моментально исчез.

Когда карлик через несколько минут вынес шпагу, которая вручалась только вместе с титулом лорда, Вэйкол скривился, как от зубной боли – он, только став бароном, получил этот титул, а этот неотёсанный болван, даже не будучи дворянином. И советник, расталкивая гостей, выбежал на улицу, чтобы, добравшись до дома, запереться там и с горя напиться одному до бесчувствия.

– Орсек Тёмный, – громко, чтобы слышали все, сказал император, спускаясь с тронного возвышение, – Я, Мигис Великий, император непобедимой Западной империи, дарую тебе титул Лорда за твои боевые заслуги.

Орсек уже стоял перед монархом на одном колене, склонив голову. Шпага легонько коснулась волос, а затем перекочевала в его мозолистые ладони; губы коснулись прохладного клинка.

Затем с не меньшей торжественностью Угрюмому Дрю на

грудь был прикол золотой Императорский орден. Веселье снова вошло в свою колею и продолжалось до рассвета.

Оказавшись один в башне, Орсек в изнеможении сел на кровать. Шпага лежала рядом на подушке. Воину не нравилась вычурный эфес оружия, Зато длинный узкий клинок восхищал мужчину. На минуту Орсек задумался, а потом быстро вынул из-под кровати сумку с оружием. Бросив туда два метательных ножа, лежавших в сапогах, и саблю, он вынул свой меч. Любовно подержав его в руках, Орсек повесил его на стену.

Отойдя немного, Тёмный человек залюбовался этим произведением искусства. Он вспомнил все бои, которые прошёл с этой закаленной сталью, и вдруг ему стало грустно. Орсек получил всё, чего хотел: славу, звания, богатство, но потерял где-то по пути многих друзей... свою любимую. Уж слишком это большая была плата за осуществление юношеских грёз.

А кровавая заря возвестила город о том, что начался новый день.

1998